

А. Г. ХУРМЕВААРА

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. ЯРНЕФЕЛЬТА 1890-х — НАЧАЛА 1900-х гг.**

Арвид Ярнефельт — писатель, сформировавшийся в эпоху обострения внутренних противоречий национального движения Финляндии, в годы активизации классовой борьбы. В его творчестве отражен ряд важных социальных проблем восьмидесятых-девяностых годов XIX — начала XX века. Обличительное содержание многих произведений Ярнефельта возбуждало горячий обмен мнениями, иногда ожесточенную борьбу. Так было, например, при присуждении премий Финского литературного общества за 1902 г. и после опубликования очерка «Земля принадлежит всем». Раздражение официальных кругов вызывало и его свободное толкование религиозных тем и его проповедь толстовских взглядов в Финляндии.

Если современники не оставляли своим вниманием Ярнефельта, а рецензии на его произведения и статьи обзорного характера о творчестве писателя появлялись не только в Финляндии, но и за ее пределами, в том числе и в России,¹ то литературоведы тридцатых и сороковых годов нашего века почти совсем забыли о нем. Причины этого следует искать, как нам представляется, в фактах двоякого рода. С одной стороны, современная Ярнефельту критика преувеличивала роль толстовских идей в его произведениях и способствовала созданию такого представления о писателе, которое мало стимулировало литературоведов на дальнейшее изучение его творчества. Ярнефельта чаще всего характеризовали как крайне тенденциозного толстовца и потому малоинтересного писателя. С другой стороны, наличие разоблачительных тенденций в его произведениях отталкивало буржуазных литературоведов от исследования его наследия. Недаром современный финляндский литературовед Р. Коскимиес, пытаясь оправдать стремление Ярнефельта «всегда встать налево, наперекор традициям и консервативным идеалам», выдвигает ложную биологическую теорию, объясняющую мировоззрение и творчество Ярнефельта смешением в нем немецкой, балтийской, шведской и русской крови.²

Лишь совсем недавно, в 1955 г., в Финляндии вышла в свет монография П. Хякли о Ярнефельте.³ Хякли собрал очень большой фактический материал о жизни и литературном труде Ярнефельта и создал интересную книгу, раскрывающую образ писателя значительно полнее и правильнее, нежели все предыдущие исследователи. Широко использова-

¹ К. Тиандер «Арвид Ярнефельт», журнал «Современный мир», 1912 г., № 7.

² R. Koskimies. *Elävä kansalliskirjallisuus*. Helsinki, 1044, стр. 429.

³ P. Häkli. *Arvid Järnefelt ja hänen lähimaailmansa*. Helsinki, 1955.

ние архивных материалов, дневников и переписки Ярнефельта делает работу Хякли своевременной и ценной. Однако, привлекая обширные биографические материалы, Хякли уделяет мало внимания анализу творчества писателя.

Цель нашей работы — анализ первого периода творчества Ярнефельта: восьмидесятых, девяностых и начала девятисотых годов. Именно в эти десятилетия Ярнефельт настойчиво поднимает в своих произведениях социальные проблемы и ищет пути достижения общественного равноправия.

В статье не будет подробно освещаться вся биография Ярнефельта, а лишь те моменты, которые имели наибольшее значение в формировании его мировоззрения и эстетических принципов, в частности, недостаточно раскрытые в монографии Хякли вопросы взаимоотношений финляндского писателя с Л. Н. Толстым.

Арвид Ярнефельт (1861—1932) родился в Пулкове, куда его отец, по образованию геодезист, был назначен помощником профессора Струве при обсерватории. Его мать, Елизавета Константиновна Клодт, приходилась внучатной племянницей известному русскому скульптору Петру Клодту и была сестрой художника Михаила Константиновича Клодта, который сыграл значительную роль в истории русского пейзажного искусства. Дети Елизаветы Клодт и Александра Ярнефельта также были наделены художественными талантами: брат Арвида, художник Ээро Ярнефельт, был одним из крупнейших финляндских художников-реалистов, другой брат Армас Ярнефельт — композитором. С 1892 г. семья Ярнефельтов завязала родственные связи с Яном Сибелиусом, который стал мужем сестры писателя Айно Ярнефельт. Если добавить, что Юхани Ахо на протяжении многих лет был другом этой семьи, то можно представить себе, какова была среда, окружавшая будущего писателя.

Известно, что мать А. Ярнефельта оказала большое влияние на детей, любовно воспитывала их художественные таланты и передала им свое демократическое мировосприятие, развившееся в ней в значительной мере благодаря ее увлечению русской литературой.

Арвид Ярнефельт в трехтомном мемуарном «Романе моих родителей»¹, написанном в последние годы его жизни, во многом правильно воспроизвел общественную обстановку в Финляндии в 1870—1880-е гг., т. е. время, оказавшее сильное влияние на становление его характера и формирование мировоззрения.

70-е годы XIX века — десятилетие нового подъема национального движения в Финляндии. Одно из первых завоеваний деятелей этого движения — организация школы, в которой учился будущий писатель с 1871 по 1880 г. До 1871 г. в Хельсинки не было ни одной школы, где обучение велось бы на финском языке, несмотря на то, что еще в 1863 г. правительство объявило финский язык официальным языком наряду со шведским. В связи с этим группа инициаторов, впоследствии образовавших ядро старофенноманской партии, и в их числе Александр Ярнефельт, не получив поддержки сената, к которому она обращалась, решила основать школу на частные средства. Летом 1871 г. по всей стране начался сбор денег, и осенью был открыт первый класс финской начальной школы. Энтузиазм, которым во всех слоях населения сопровождался сбор денег для первой финской школы, и значительность

¹ A. Järnefelt. Vanhempieni romaani. I—III. Helsinki, 1928—1930.

собранный суммы показали, что решения этой проблемы ждал весь финский народ.

Фенноманы 70-х годов считали основной своей задачей приобщение финнов к общеевропейской культуре и борьбу за национальную культуру. Вместе с тем, будучи последователями Снельмана, они прежде всего были озабочены воспитанием национального самосознания, поэтому борьба против шведского влияния в правительстве не занимала их. Открытие финского театра в Хельсинки в 1872 г., выход в свет труда Ю. Коскинена «Учебник истории народа Финляндии»¹, распространение школьного обучения на финском языке — таковы их практические достижения. С точки зрения фенноманов 80-х годов их предшественники были людьми слишком абстрактного мышления, но исторически деятельность фенноманов семидесятых годов, несомненно, имела известное положительное значение.

Учился Арвид Ярнефельт без особого энтузиазма и неровно. Кроме обязательных по программе шведского, немецкого, французского и латинского предлагалось на выбор изучать русский или греческий языки. Ярнефельт с детства владел русским языком, поэтому в школе занимался греческим, получив, таким образом, достаточную подготовку для избранного им филологического и юридического образования. Здесь же в школе, учась в одном из последних классов, он написал «Рассказ о старике Элиасе», за который позже, в студенческие годы, получил премию корпорации.

В годы учебы в университете знание языков позволило Ярнефельту делать переводы со шведского и французского. Это важно было для него и с материальной стороны, ибо отец, служивший тогда в армии, с трудом мог обеспечить потребности большой семьи.

Одновременно с Ярнефельтом в хельсинкской финской школе учились два его друга — Иоганн Кок и Матти Курикка. Кок в 1905—1906 гг. возглавил финляндскую Красную гвардию. Курикка после провала ряда утопических попыток достигнуть равноправия людей в условиях капитализма пришел к оппортунизму и предательству рабочего класса. Жизненные пути этих трех людей, оставивших, каждый по-своему, память о себе в истории Финляндии, скрещивались не часто, однако они поддерживали дружеские отношения на протяжении почти сорока лет.

В 1880 г. Арвид Ярнефельт поступил в Хельсинкский университет. Одновременно с ним начали учебу в университете Юхани Ахо и брат Арвида Каспер Ярнефельт.

80-е годы принесли фенноманам новые и последние победы. В 1883 г. было, наконец, проведено в жизнь правительственное постановление о равноправии языков, и деятели семидесятых годов сочли свою программу выполненной. Но борьба продолжалась. Молодежь — она уже имела свой голос во многих провинциальных газетах и в университете — стремилась зачеркнуть все, сделанное старофенноманами, и взять на себя роль подлинного зачинателя национального движения. Настроенная очень решительно, молодежь требовала изгнания из правительства всех шведов, и старофенноманы, не хотевшие лишиться ведущей роли в национальном движении, начали подумывать о получении государственных постов.

Члены финляндского сената назначались царем по предложению генерал-губернатора Финляндии или государственного секретаря. В 1881 г. генерал-губернатором стал граф Ф. Л. Гейден, начавший

¹ Y. Koskinen. Oppikirja Suomen kansan historiasta. Helsinki, 1869—1873.

осуществлять руссификаторскую политику. Исходя из своих целей, Гейден решил заменить в сенате либеральных шведов верноподданническими старофенноманами. В 1882 г. Ю. Коскинен, а за ним и другие (Александр Ярнефельт в 1894 г.) вошли в состав правительства. Как пишет Арвид Ярнефельт, старофенноманы, «завоеывая расположение царя, не шли против своей совести. Все они были консервативны. Почитание высшей власти, верноподданничество, основанное на религии, признание монарха — это было их второй натурой».¹

Добившись высоких постов в государстве, старофенноманы, однако, не смогли сохранить единства внутри партии. В 80-е годы из старофенноманской партии выделились наиболее либеральные элементы мелкобуржуазной интеллигенции и буржуазии, образовавшие младофинскую партию. Младофинны активно и более последовательно стали бороться за национальное культурное равноправие, выступали за некоторые улучшения положения рабочих и безземельного сельского населения и с началом руссификаторской политики царизма организовали оппозицию.

В 1885 г., уже будучи сенатором, в письме к Александру Ярнефельту Ю. Коскинен с грустью отмечал: «В финском лагере очевидный разброд. С одной стороны — Кивекяс, с другой — «Валвоя», с третьей — беспокорные женщины; каждый идет своей дорогой».² «Своей дорогой» шли и старофенноманы, все более отклоняясь вправо. Если в предыдущее десятилетие они были энтузиастами школьного дела, то теперь Коскинен предостерегал против излишнего увлечения организацией школ, боясь рождения «образованной бедноты», в которой видел большую угрозу обществу. Журнал «Валвоя», печатавший произведения писателей-реалистов и выступавший за некоторые социальные реформы, вызывал недовольство старофенноманов. В дискуссии о равноправии женщин они склонялись к реакционной точке зрения церкви.

Лаури Кивекяс, о котором писал Ю. Коскинен, был лидером крайнего националистического крыла студентов-фенноманов. Программа Кивекяса предусматривала изгнание шведского языка из университета. Его приверженцы боролись уже не за равноправие двух языков, а за безусловное господство финского языка. Когда Арвид Ярнефельт поступил в университет, борьба была в самом разгаре, и каждый студент считал своим долгом участвовать в ней. Лаури Кивекяс, непримиримый и неутомимый, имел большое влияние на студентов.

Арвид Ярнефельт, правда, не без раздумий и колебаний поддался общему энтузиазму. Его занимал не только национальный вопрос; он часто задумывался над явлениями, которые не привлекали внимания его коллег-студентов, или воспринимались ими односторонне. В письме к Отто Кённи от 28 декабря 1881 г. Ярнефельт высказывает свое неверие в «гнилую мировую цивилизацию», представляющуюся ему шатким картонным домиком: «...Ты говоришь, что мир полон больших идей о реформах, которые могут разбить и свалить упомянутый мной картонный домик. Ты ищешь силу, способную осуществить эти идеи и в то же время построить что-то новое и более естественное. Я думаю, что эти идеи можно осуществить объединенной силой вполне развитых народов. Создан ли наш народ принять участие во всемирном труде? Стоит ли перед ним задача помочь всеми силами созданию новой правды? И где он, «наш народ»?»³

¹ A. Järnefelt. Vanhempieni romaani. II, стр. 199.

² Там же, стр. 334.

³ P. Häkli. Arvid Järnefelt, стр. 108.

О финском народе, о завещанной И. Снельманом любви к нему велись жаркие дискуссии на собраниях корпорации, объединявшей студентов из восточных провинций Финляндии, в которую был принят и Арвид Ярнефельт. Собрания обычно завершались провозглашением патриотических тостов и иногда — битьем посуды «во имя родины».

Поступив в университет, Ярнефельт был поражен царившим среди студентов энтузиазмом. Для него понятие «родина» воплощалось в конкретных образах, которые, как он пишет в книге «Мое пробуждение», — «скромно теплились где-то в уголке сердца». Его любовь к родине не нуждалась в искусственной поддержке, поэтому он воспринимал подогреваемый пуншем патриотизма как нечто неестественное.

В романе «Отечество»¹ (1893 г.), представляющем собой поэтическую хронику культурной жизни Финляндии 80-х годов, Ярнефельт развенчивает эту искусственную шумиху вокруг вопроса о родине и народе, раздувавшуюся в университете. Герой романа Хейкки Вуорела, в ком можно найти много черт автора, из родного деревенского дома попадает в столичный университет и здесь, вдалеке от народа, начинает постигать науку любви к народу. Его учителем становится пламенный оратор и вожак студентов Антти — образ, списанный с Лаури Кивекяса. В первый же год учебы в университете Хейкки Вуорела с головой окунается в атмосферу споров, столь же накаленную, сколь и туманную. Призыв лидера фенноманов И. В. Снельмана любить народ каждый понимал по-своему. «Теоретики предпочитали говорить о нации и ее гегемонии, — пишет Ярнефельт, — другие понимали «народ» как некую государственную целостность. А молодежь не особенно отдавала себе отчета в том, что понимать под этим термином. Она пришла в университет, чтобы подготовить себя к служению народу. Предстояло не только сблизиться с народом, но погрузиться в него, раствориться в нем. Хейкки Вуорела разбирался в понятии «народ» не больше других, но первая же произнесенная им речь была признана его клятвой отечеству. Романтический конец его речи особенно воодушевил слушателей. Он сказал: «Сампо, которое герои Калевалы тщетно старались превратить в источник своего счастья, Сампо, которого искали и добивались с сотворения мира — оно теперь найдено! Его нашел Снельман! Оно не из меди и не из золота! Сампо — наша любовь к народу!!!» Волна воодушевления побудила Хейкки вернуться из Хельсинки домой, хотя он совсем не собирался возвращаться к отцу и заниматься земледелием. Но в «лесной чаще Финляндии», куда его привела высокая «идея растворения в народе», как выразился Антти, Хейкки поначалу оказался совсем чужим и ненужным. Он не представлял себе, как можно «раствориться» в этих простых, веселых трудолюбивых людях, работающих на полях его отца. Когда же со временем Хейкки втянулся в деревенскую жизнь, оказалось, что он забыл все: Снельмана, родину, друзей, будущее. Через два года, не выдержав однообразной жизни в доме отца, Хейкки вновь возвращается в Хельсинки. И что же? Оказывается, никто из ярых сторонников идеи «погружения в народ» даже и на словах уже не думал осуществлять высокие идеалы. Антти уже нашел обоснование невозможности сближения с народом, проповедуя в духе теории «героя и толпы»: «Повсюду путь прогресса идет таким образом, что многие, так называемые национальные герои, ведут массу вперед. Масса в своем развитии всегда стоит ниже их». Так говорил всегда почитаемый всеми Антти,

¹ A. Järnefelt. Isänmaa. Helsinki, 1893. На рус. яз. А. Ярнефельт. «Родина» Пер. П. Морозов. Журнал «Мир Божий», 1894, № 8—12.

и Хейкки был согласен с ним. Поэтому, когда ему предложили на праздничном вечере произнести речь в честь родины, он, «уже научившийся относиться к патриотической декламации с насмешкой», решил выступить, хотя знал, что «...теперь придется только лгать».

Эволюция взглядов Хейкки Вуорела и окружающих его людей с большой полнотой выразила разочарование, ироническое отношение Ярнефельта к одной из ведущих тенденций развития финляндской общественной жизни в 80-е годы и, вместе с тем, к тому, что он сам пережил в студенческие годы.

Споры в студенческих кружках, однако, не ограничивались проблемами родины и народа. Лаури Кивекяс, учившийся два года в Берлинском университете, привез из Германии интерес к социальным проблемам, который он старался передать своим молодым коллегам. На собраниях корпорации обсуждалась деятельность церкви и положение женщины в современном обществе. Горячие споры велись вокруг романов Ибсена, Бьёрнсона и Стриндберга, вокруг учения Дарвина и философии Гегеля.

Увлечение Ярнефельта шумной студенческой жизнью не было продолжительным: учеба начинает отнимать все больше времени и помыслов. Поступив в университет на юридический факультет, Ярнефельт вскоре переходит на историко-филологический, не оставляя мысли и о юридическом образовании. Он серьезно занимался философией, эстетикой, историей, русским и финским языками, историей литературы и в 1885 г. сдает экзамен на степень кандидата философии.

Первые рассказы Ярнефельта, опубликованные в эти годы, свидетельствуют о том, что социальные проблемы уже тогда начали привлекать его внимание. В 1883 г. в журнале «Валвоя» под псевдонимом Арви Раута был помещен переработанный в студенческие годы «Рассказ о старике Элиасе».¹ В этом рассказе повествуется о безрадостной старости одинокого рыбака. Он пришел из других краев, поселился в полуразвалившейся избе на берегу моря и влачит голодное существование, молчаливый, безразличный ко всему. Молодежь и дети преследуют его насмешками и жестокими шутками, просто за то, что он чужак. Смысл жизни старика Элиаса — дождаться когда-нибудь приезда блудного сына; единственное утешение — воспоминание о бурно прожитой молодости. Однажды злые проделки молодежи едва не стоили жизни Элиасу: тонувшего старика в последнюю минуту спасает дочь богатого хозяина Катри. Этот случай изменил жизнь Элиаса. Погруженный прежде только в свои думы, он понемногу привязывается к девушке, спасшей его и ухаживающей за ним во время его болезни. Наконец, приезжает и долгожданный сын, и между ним и Катри возникает взаимное влечение. Элиас внезапно умирает. Только Катри и сын старика искренне горюют о нем.

Таков несложный сюжет рассказа. Сквозь его романтическую канву вырисовывается образ простого человека-труженика, затерянного в тяжелой бессмысленной жизни. Люди — волки, — говорит Ярнефельт рассказом, но объяснить причину этого явления он еще не может. Рассказ пронизан грустью. Автору больно наблюдать жизнь, беспросветную до трагизма.

В следующем году в «Валвоя» был опубликован второй рассказ Арви Раута «Практикант».² Тематически рассказ перекликается с предыдущим. Практикант — молодой человек, недавно окончивший уни-

¹ Arvi Rauta. Kertomus Elias-äijästä. Valvoja, 1883, № 4—6.

² Arvi Rauta. Kokelas. Valvoja, 1884, № 3.

верситет. Он добр к людям, но больше ничем не приметен, разве только своей чрезмерной робостью, причиной которой была его бедность. Влюбившись в дочь знатного человека, он решил открыться ей свою любовь только через два года, когда был приглашен к ней на бал. Но оказалось, что бал дается по случаю ее помолвки с другим. Возвращаясь с бала в подавленном состоянии, герой рассказа простудился и вскоре умер. Никто не жалеет о нем, никто не вспоминает, и даже крест на могиле его стоит как-то криво.

В рассказе снова проявляется сочувственное внимание Ярнефельта к маленькому человеку, имеющему право на жизнь, но лишенному многих необходимых условий для осуществления этого права. Здесь явственнее, чем в «Рассказе о старике Элиасе», хотя тоже очень косвенно, смерть героя связана с социальной неустроенностью жизни. Случай, одновременно нелепый и трагический, описанный Ярнефельтом, мог произойти только с очень забытым, задавленным жизнью человеком. И в этом рассказе, хотя Ярнефельт пишет внешне бесстрастно, чувствуются ноты пессимизма и горестного недоумения автора. Пессимистический скепсис Ярнефельта по отношению к явлениям общественного порядка усиливается в 90-е годы и проявляется с новой силой в очерке «Хозяева и торппари», а в романе «Отечество» оформится в иронически-отрицательный тон повествования.

«Рассказ о старике Элиасе» и «Практикант» — произведения молодого писателя, еще очень неуверенного в своем писательском призвании, но уже подметившего в жизни такие ее черты, которые должны были тревожить истинных граждан страны не меньше, чем положение финского языка. В них уже намечается направление, характерное для писателя в более поздний период его творчества. Игнорируя эти рассказы, критики и литературоведы впоследствии удивлялись неожиданной (как им казалось) зрелости первого романа Ярнефельта. На самом же деле, с 1883 до 1893 г. писатель проделал напряженную внутреннюю работу, отправной точкой которой были эти два рассказа.

В 1884 г. Ярнефельт после женитьбы отправился за границу. В 1884—1886 гг. он жил, главным образом, в Лейпциге. Там он одновременно увлекался лекциями по психологии идеалиста Вундта и трудами естествоиспытателя-материалиста Геккеля. Еще раньше Ярнефельт предполагал заняться изучением философии Канта. В учении Вундта Ярнефельта, очевидно, привлекла теория «волевого начала». Правда, Ярнефельт не считал волю основой всех психических процессов, хотя доминантой характера некоторых героев его произведений является именно степень волевого начала.

По возвращении из-за границы Ярнефельт после полугода напряженных занятий сдает экзамены на звание кандидата философии и начинает готовиться к получению диплома юриста. В сентябре 1886 г. он выезжает в Россию, чтобы продолжить образование при Московском университете. В течение двух лет, проведенных в России, Ярнефельт жил в Москве и Петербурге. В 1886 и 1887 гг. в газетах «Саво» и «Кайку» за подписью А. Р. и Арви Раута публикуются его «Письма из России».

«Письма» свидетельствуют о глубокой симпатии Ярнефельта к России, о правильном понимании им русской литературы и продиктованы

стремлением помочь соотечественникам «посмотреть прямо в глаза соседа и узнать его как можно лучше».¹ Ярнефельт обрисовывает не только внешнюю сторону жизни России. Восторженно описывая площадь у Кремля и Спасский собор, он в то же время отмечает резкую контрастность бедности и богатства в России. Ярнефельт пишет: «Во всем, вплоть до литературы и искусства, в стремлениях людей, в мировоззрении — всюду мы видим две совершенно различных группы. Каждая все более отдаляется от другой и все более превращается во враждебную ей».² После Финляндии, где общественные противоречия не были еще столь развитыми и отодвигались официальным общественным мнением в тень общенациональных проблем, контрасты тогдашней русской жизни предстали перед Ярнефельтом особенно наглядно. Писатель с возмущением говорит о бедности крестьян, находящихся почти в крепостном положении.³

В одном из «Писем» Ярнефельт с большим сочувствием знакомит финнов со взглядами Л. Толстого на народное образование.⁴

Наиболее интересной, с точки зрения восприятия Ярнефельтом русской литературы и его понимания задач литературы вообще, является опубликованная 26 февраля 1887 г. в газете «Кайку» статья «Современное направление русской литературы и ее значение»,⁵ посвященная пятидесятилетию со дня гибели А. С. Пушкина.

Ярнефельт считает Пушкина родоначальником современной русской литературы. В отличие от официальной русской критики XIX века, которая стремилась противопоставить друг другу Пушкина и Гоголя, как представителей различных направлений в литературе, Ярнефельт видит величайшее значение Пушкина в том, что под его влиянием литература России взяла на себя большие общественные функции. Ярнефельт отмечает роль Пушкина в определении критической и сатирической направленности русской литературы — то есть ее самых существенных черт. В том, что русские реалисты были прекрасными сатириками, Ярнефельт видел историческую черту развития русской интеллигенции.

В связи с этим Ярнефельт высказывает здесь свою точку зрения на роль литературы вообще. Он пишет: «Для того, чтобы литература соответствовала своему назначению, ей должны служить люди, честно говорящие о тех явлениях, которые действительно близко затрагивают как их самих, так и всю общественность».⁶ Произведения, созданные в первый период его творчества, свидетельствуют о том, что Ярнефельт стремился стать именно таким честным служителем литературы, и вряд ли будет преувеличением сказать, что решающее значение в этом смысле на него оказала русская литература. Привитое ему матерью увлечение Тургеневым определило уже в Хельсинкском университете одно из направлений его занятий — русскую филологию. Ярнефельт занимался русской литературой во время двухлетнего пребывания в России и по возвращении в Хельсинки имел выданный Московским университетом документ, удостоверяющий его «весьма большие успехи» в области филологии. Вполне возможно, что Ярнефельт во время пребывания в Москве познакомился с русской журнальной полемикой по

¹ Savo, 1886, helm. 26 pñä.

² Arvi Rauta. Kirjeitä Venäjältä, I, Savo, 1866, jouluk. 9 pñä.

³ A. R. Kirjeitä Venäjältä, I. Kaiku, 1886, jouluk. 11 pñä.

⁴ A. R. Kreivi Leo Tolstoi kansan sivistyksestä. Savo, 1887, jouluk. 24 ja 31 pñä.

⁵ Arvi Rauta. Kirjeitä Venäjältä, II. Venäjän kirjallisuuden nykyinen suunta ja tarkoitus. Kaiku, 1887, helm. 26 pñä.

⁶ Arvi Rauta. Kirjeitä Venäjältä, II. Kaiku, 1887, helm. 26 pñä.

вопросу об оценке роли Пушкина. Во всяком случае, некоторые положения его статьи очень близки к точке зрения В. Г. Белинского и русских революционных демократов.

Пребывание в России, знакомство с той почвой, которая питала творчество русских писателей, несомненно, сыграло большую роль не только в правильной оценке Ярнефельтом закономерностей развития русской литературы и отдельных ее явлений, но также помогло ему понять тенденции, объединявшие передовых писателей разных стран, таких, как например, Тургенев, Флобер и Бьёрнсон.

Кроме критической и сатирической направленности русской литературы Ярнефельт подчеркивает и другую не менее характерную ее особенность — воспитанное реалистической школой умение создавать социально-обусловленные типы. Эту особенность он видит в творчестве Гоголя, Тургенева, Гончарова, Писемского, Островского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Л. Толстого и считает ее следствием высоких целей, поставленных перед собой русскими писателями. Каждая эпоха, — рассуждает Ярнефельт, — порождает свои проблемы, ставит их перед общественностью и требует их разрешения, что по силам только избранным. Такими избранными, осмысляющими общественные проблемы и выражающими мысли всех людей, в России оказались не государственные деятели или философы, а писатели.

Единство в понимании задач и цели литературы объединяет лучших русских писателей. Русские писатели — совесть человеческая, и, ища ответы на важнейшие общественные вопросы, они борются, и борются горячо. Большой заслугой русской литературы Ярнефельт считает тот факт, что «теперь никто не может остаться безразличным, каждый должен встать на одну из сторон: или верить слащавой лжи или правде, — ибо стороны разделены отчетливо. А это приближает начало борьбы, это образует партии и дает им лозунги, это определяет их цели и заставляет их открыто высказать все свои принципы, проясняет смысл борьбы».¹ Сравнивая русскую литературу с литературами других стран, Ярнефельт приходит к правильному выводу: «По-моему, мало народов, которые придавали бы литературе такое же значение, какое она имеет в России».² Только французов и норвежцев он считает возможным отнести к подобным народам. Такой вывод он делает исходя из истории реализма в этих странах. В заключение Ярнефельт говорит о большом международном значении русской литературы.

Рассмотренная статья позволяет сделать некоторые выводы. Сам факт неоднократного обращения Ярнефельта к осмыслению русской литературы говорит о серьезном отношении его к литературному труду уже в эти годы. Он как бы стремился выработать твердую эстетическую платформу, прежде чем приняться писать первое крупное произведение. Такое отношение к литературе вытекало из оценки ее высокой общественной роли. Одним из важнейших пунктов эстетической платформы Ярнефельта стал реалистический принцип создания типических характеров. Сатиричность Ярнефельт считал одним из необходимых качеств писателя-реалиста и в своих произведениях поднимался иногда до подлинно сатирического осмысления некоторых явлений действительности.

Статья о русской литературе и другие «Письма из России» были вторым шагом Арвида Ярнефельта на его литературном пути. В то же время «Письма» — это вклад писателя в дело укрепления русско-

¹ Arvi Rauta. Kirjeitä Venäjältä. II, Kaiku, 1887, helmik. 26 pñä.

² Там же.

финляндских дружественных отношений. Позднее, в конце века, Ярнефельт опубликует «Путешествие по России», в котором снова выскажет свое сочувствие страдающему русскому народу и восхищение перед русской литературой. Ярнефельт всегда был другом России. Даже в годы усиления реакционной руссификаторской политики царизма в Финляндии Ярнефельт помогал соотечественникам видеть верных друзей в прогрессивных русских общественных деятелях и сохранить уважение к народу соседней страны. Интерес к России и стремление к правильному пониманию явлений ее общественной жизни прививались Арвиду Ярнефельту его матерью еще в детстве. Несомненную роль здесь сыграли и другие родственные связи. Петербургские братья Елизаветы Ярнефельт время от времени навещали ее, привозили новости из России и трактовали события в независимом духе. Арвиду с детства полюбился своенравный и непокорный Константин Клодт, младший брат матери. У художника Михаила Клодта находили приют все представители семьи Ярнефельт, приезжавшие в Петербург, в том числе и Арвид, проживший там с 1886 по 1887 г. Общение с ними давало Арвиду Ярнефельту пищу для размышлений о России. Еще теснее сближила его с Россией переписка и дружба с Л. Н. Толстым, взгляды которого имели решающее значение в жизни и творчестве А. Ярнефельта. Поворот к Толстому произошел в 1891 г.

По возвращении из России Ярнефельт продолжал юридические занятия, и в конце 1890 г. сдал экзамены на диплом кандидата права. Начало его судебной практики было настолько успешным, что родные и знакомые предсказывали ему блестящую юридическую карьеру. Но вдруг все переменялось: судья отказался судить. Биограф А. Ярнефельта П. Хякли изображает этот поворот именно как внезапное и неожиданное событие, происшедшее исключительно под влиянием книги Л. Н. Толстого «В чем моя вера?». Однако П. Хякли явно неправ. Мы не можем игнорировать сложной взаимосвязи многих явлений, приведших Арвида Ярнефельта к наиживейшему восприятию книги Толстого.

Ярнефельт не верил традиционным церковным догматам, считая правду высшей верой. Перед прохождением военной службы отец принудил его пройти конфирмацию, необходимую для вступления в гражданские права, но этим чисто формальным актом и ограничилось общение Ярнефельта с церковниками. Между тем, вопросы о смысле жизни, ее движущих силах, о любви и смерти занимали его постоянно.

Мировой движущей силой Ярнефельт еще с юношеских лет склонен был признавать некую духовную субстанцию, великий разум, предопределяющий все материальное на земле.

Поиски ответов на «вечные» вопросы привели Ярнефельта и к публицистическим произведениям Толстого, который в свое время тоже прошел через мучительные сомнения.

С другой стороны, к отказу от судейского поприща Ярнефельта побуждали и сами занятия правоведением. Изучение права заставило его усомниться в справедливости законов. В очерке «Хозяева и торппари» Ярнефельт прямо заявил, что современное ему земельное право есть не что иное, как узаконенное беззаконие. Наконец, фальшь и лицемерие финноманских споров о народе побудили его максимально приблизиться к самому народу. Знакомство с книгой Толстого, таким образом, было одним из звеньев в целой цепи явлений. Она особенно импонировала Ярнефельту своей антиклерикальной страстностью. С другой стороны, учение о нравственности, пропагандировавшееся в ней, также оказалось созвучным его размышлениям.

В конце 1891 г. Ярнефельт резко изменил образ жизни. Он обучился сапожному и кузнечному делу, занимался и другими видами физического труда, не прерывая литературной работы, а в 1896 г. переселился «на землю». Родители и братья помогли ему деньгами, что позволило Ярнефельту купить небольшой земельный участок у озера Лохья (в километре от станции Виркбю). Так началась для Арвида Ярнефельта, потомка дворянской фамилии, новая жизнь, осложненная всеми тяготами и случайностями, выпадающими на долю землепашца. За исключением периодов горячей сельскохозяйственной страды, когда нанимались один или два работника, Ярнефельт сам вел все хозяйство, отводя работе над своими произведениями зачастую только ночные часы.

Несмотря на такое «опрощение», Ярнефельт всегда чувствовал, что подлинного сближения с народом не произошло. Крестьяне и рабочие соседнего лесопильного завода охотно посещали его библиотеку, слушали его беседы, отпускали детей в организованную им школу, но не принимали всерьез его пренебрежительного отношения к сословным перегородкам. Уже то, что Арвид Ярнефельт был писателем, а его мать, также поселившаяся в деревне по соседству с сыном, носила титул баронессы, делало их в глазах окружающих «господами», а подчас даже внушало сомнение в здравости их рассудка.

Через пятнадцать лет после «опрощения» на вопрос, что дала ему жизнь в деревне, Ярнефельт имел мужество ответить: «Никаких результатов, или, пожалуй, отрицательный результат. Ибо сближение с народом, каким я изобразил его в романе «Отечество» — это воздушный замок, красивый и обманчивый. Настоящее сближение возможно только на основе подлинного равенства, не только внешнего, но и самого существенного — экономического. Сближение, не устраняющее единственной и действительной причины классового расслоения — различия в имущественных отношениях — ложное сближение».¹

Придя к такому выводу, Ярнефельт все же до конца дней своих вел земледельческий образ жизни, потому что считал крестьянскую силу и упорство выше городского учения и университетского образования. И хотя Ярнефельт убедился в ненужности толстовства народу (как все толстовцы, он считал своим долгом популяризировать учение Толстого), хотя современная ему история доказывала необходимость сопротивления злу именно насилем, он не разочаровался в учении Толстого.

Известно, какое огромное влияние оказал Толстой на писателей Европы конца XIX века. Но если многие буржуазные современники Толстого восприняли только слабые стороны его мировоззрения, то другие (и к ним, как нам кажется, следует отнести Арвида Ярнефельта) вместе с признанием утопических иллюзий своего вероучителя прониклись также активной толстовской ненавистью к социальному неравенству. Острая постановка общественных проблем привлекала Ярнефельта не менее, чем чисто религиозная сторона его учения. Не случайно Ярнефельт, наряду с переводами религиозных трактатов Толстого, осуществлял и переводы его публицистических статей (в том числе статьи «Рабство нашего времени»), заключавших резкую критику капитализма.

Восприимчивость Ярнефельта обуславливалась в конечном счете исторической обстановкой в Финляндии на рубеже веков, эпохой усиле-

¹ *Eero Järnefelt. Arvid Järnefelt kotonaan. Nuori Suomi, 21, (1911), стр. 96—97.*

ния классовой борьбы и подготовки первой русской буржуазно-демократической революции. Ярнефельт явился выразителем тех противоречий, которые были характерны для основной социальной силы страны — крестьянства — накануне революции, названной В. И. Лениным «крестьянской буржуазной революцией».¹

Финляндское крестьянство, на протяжении веков угнетавшееся шведскими феодалами, с развитием в стране капитализма подверглось массовому разорению и обнищанию. Идеал «свободного» финского землевладельца, пропагандировавший официальной печатью, оказывался на деле свободным от земли полуголодным торппарем. Ненависть к шведским феодалам, прорывавшаяся в крестьянских выступлениях, начиная с XIV века, превратилась в XIX в. в классовую ненависть крестьянина к землевладельцу — капиталисту, проявлявшуюся в забастовках и других открытых выступлениях торппарей. С другой стороны, финскому крестьянству, как и крестьянству других стран, была издавна присуща черта пассивного сопротивления угнетателю. Недаром К. Крамсу, воспевавший героев Дубинной войны XVI в., создал также образ непреклонного в своем пассивном неподчинении феодалу крестьянина Пейппо. Противоречия крестьянской идеологии наложили отпечаток и на рабочее движение в Финляндии, развивавшееся медленнее, чем во многих других странах. Обстановка в Финляндии в конце века осложнялась, кроме того, руссификаторской политикой царизма.

В творчестве Ярнефельта отразилась наболевшая «ненависть, созревшее стремление к лучшему,...— и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»² финляндского крестьянства накануне революции.

Ярнефельт видел сложность крестьянского мировоззрения, он призывал к борьбе против зла, которое нес капитализм в деревню и город, но из двух путей борьбы, имевших, по его мнению, равное право на существование, чаще выбирал пассивный путь.

Иногда, как например, в драме «Самуэль Крёэль», в очерке «Земля принадлежит всем!», в романе «Жители Венехьоя» писатель объективно приходил к мысли о необходимости активного протеста капиталу.

В одном из писем к Л. Н. Толстому Ярнефельт рассказывает о замысле (неосуществленном) новой драмы, которая должна была отразить во всех противоречиях один из исторических этапов борьбы финских крестьян против феодалов. Ярнефельт пишет: «Теперь я хочу написать другую драму об исторической борьбе крестьян Кексгольмской губернии против господ, взявших у них землю на основании закона, написанного в тайной от крестьян комиссии. Интерес этой драмы составляет для меня выставление различных партий и личностей между этими крестьянами, из которых одни хотят бороться оружием, другие — законом, а третьи — непровлечением — это не что иное, как настоящий status quo Финляндии. В нашем финском народе, то есть между настоящими крестьянами, этот вопрос о противлении и непровлечении — старинный, жизненный вопрос, но из господ никто этого не понимает».³

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 183.

² Там же, стр. 185.

³ Письмо А. Ярнефельта от 22 января 1900 г. Хранится в рукописном отделе музея Л. Н. Толстого (Письма к Толстому. 149. 99).

Вот этот «старинный жизненный вопрос» финского крестьянства и явился одной из важнейших исторических предпосылок, сделавших возможным восприятие Толстого Ярнефельтом.

Материалы переписки Ярнефельта с Толстым подтверждают, что финляндский писатель в 90-е и в начале 900-х годов воспринимал борьбу Л. Н. Толстого против основ капиталистического строя как пример и программу, которой он стремился следовать. Так, в письме от 21 июня 1900 г. Ярнефельт, только что узнавший о работе Толстого над статьей «Рабство нашего времени», пишет: «С радостью узнаю в газетах, что у вас готовится книга о «новой форме рабства». Каждый раз, когда я узнавал про ваши новые произведения, мне приходила мысль, что именно об этом-то и надо было писать. Обличать этот страшный, дьявольски проведенный обман необходимости рабства, из которого не знаешь как выпутаться,— это как раз теперь представляется мне самым важным делом настоящего времени. Радость мою мешает (омрачает?—ред.) только упрек совести в том, что я сам уклонялся от этого дела...»¹

Ярнефельт упрекает себя не вполне справедливо. Уже в 90-е годы он поднимает в своих произведениях социальные проблемы и начинает искать возможность устранения общественного неравенства. В этих поисках, как уже говорилось, Ярнефельт приходит к тем же выводам, что и Толстой. Веруя в ложную идею всепрощения и самоусовершенствования, Ярнефельт не мог понять и принять революционных теорий преобразования мира, которые, как он писал в статье о Толстом, «возбуждают в настоящем враждебность между людьми, то есть нечто, не приближающее к идеалу будущего, а отдаляющее от него».² Сопоставляя толстовство с другими общественными теориями, Ярнефельт приходит к выводу, что только в нем цель совпадает со средствами, «и именно благодаря этому совпадению оно и является для человечества религией».³ Толстой был согласен с такой оценкой, считал статью Ярнефельта прекрасной и рекомендовал напечатать ее в русской газете.⁴

Взаимоотношения Арвида Ярнефельта с Л. Н. Толстым были прежде всего взаимоотношениями ученика и учителя. Преклонение Ярнефельта перед учителем настолько явственно ощущалось в его письмах, что Толстой еще до встречи с ним почувствовал к нему дружеское расположение. Об искренности дружеского чувства Толстого говорит уже тот факт, что в письме от 17 июля 1898 года, написанном в связи с предполагавшимся, но не осуществленным уходом из Ясной Поляны, он просит Ярнефельта оказать ему помощь в деле, которое «должно остаться никому неизвестным».⁵ Переписка, начавшаяся в 1896 г., продолжалась почти до смерти Толстого. Ярнефельт посылает и пересказывает Толстому свои произведения, знакомит его со своими замыслами, пишет о своей трудной деревенской жизни. Толстой всегда радуется письмам и книгам Ярнефельта, поощряет его или критикует, ободряет в трудные для него периоды жизни. Ярнефельт посвя-

¹ См. Полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого, том 72, стр. 387—388. Примечания к письму Л. Н. Толстого.

² «Толстой» (статья А. А. Ернефельта). В кн. А. Ернефельт «Мое пробуждение». Москва, 1921, стр. XXXII. Написана к 80-летию Л. Н. Толстого, впервые опубликована в журнале «Päivä», 1908, № 35.

³ Там же.

⁴ См. письмо Л. Толстого Ярнефельту от 25 августа 1908 г., опубли. в кн. «Мое пробуждение», стр. XXIX.

⁵ Л. Н. Толстой. Полное (юбилейное) собрание сочинений, том 71, стр. 410.

щает Толстого и в общественно-политическую и культурную жизнь Финляндии. Толстой сочувствует сопротивлению финляндцев руссификаторской политике царизма. Как великий гуманист и подлинный гражданин России он не мог не возмущаться правительственными мерами, направленными на притеснение окраинных народов.

Но Толстой одобрял только пассивное выражение протеста, поэтому его особенно радует, например, сообщение Ярнефельта об отказах финнов от военной службы в русской 'армии' и огорчает известие об убийстве Бобрикова и другие «ужасные преступления».²

Ярнефельт дважды приезжал к Толстому: в 1899 г. в Москву и в 1910 г.— в Ясную Поляну. Каждый раз они беседовали не только о религии, философии и искусстве, но и о положении в Финляндии. Некоторые буржуазные политические деятели неоднократно просили Ярнефельта убедить Толстого выступить в печати против притеснительных мер царского правительства по отношению к Финляндии. Попытки Ярнефельта ни к чему, однако, не привели: Толстой не считал себя достаточно сведущим в финляндских делах и, согласно своему убеждению, мог только пожалеть те угнетенные народности, представители которых поддаются такому «страшному искушению», как убийство ненавистных правителей.³ Он ограничивал свое участие в финляндских делах беседами, в которых выражал горячее одобрение политике пассивного сопротивления.

Когда Ярнефельт в 1908 г. писал, что Толстой подобен башне, верхушку которой современники не видят потому, что стоят у ее подножья, он прежде всего имел в виду Толстого-мыслителя. Величие Толстого художника он познал и оценил уже в студенческие годы и всегда оставался восхищенным и благодарным читателем его художественных произведений. И не только читателем. Ярнефельт перевел на финский язык «Детство, отрочество и юность», «Воскресение», «Живой труп» и сборник «Посмертные художественные произведения» Л. Толстого. В 1906 г. в переводе Ярнефельта была издана книга В. Черткова «Уход Толстого». С полным основанием можно считать Ярнефельта популяризатором не только учения, но и художественного творчества Толстого, понятного, близкого и нужного неизмеримо более широкому кругу читателей. Характерно, что Ярнефельт из трех романов Л. Н. Толстого выбрал для перевода самый острый обличительный роман — «Воскресение», насыщенный в то же время типично толстовской философско-этической проблематикой. Роман, в котором большое место занимает отрицание частной собственности на землю, в котором резко критикуется вся система самодержавного государства, идеально соответствовал тому, что Ярнефельт называл «самым важным делом настоящего времени». Ярнефельт работал над переводом «Воскресения» с большим увлечением, закончив его через год после опубликования романа на русском языке.

Если говорить о влиянии Толстого-писателя на творчество Ярнефельта, то следует отвести решающее значение именно роману «Воскресение», проблемам, поставленным в этом произведении и пафосу, пронизывающему его.

Ярнефельт понимал, как велико значение переводов произведений Л. Н. Толстого на другие языки. Рассказывая в одном из писем о том,

¹ См. письма Л. Толстого от 14 марта 1902 г. и 28 июля 1902 г., опублик. в кн. «Мое пробуждение», стр. XXV и XXVI.

² См. письмо от 27 февраля 1908 г. Там же, стр. XXVIII.

³ См. письмо Л. Толстого Ярнефельту от 27 февраля 1908 г. Там же, стр. XXVIII.

что «Воскресение» издается в Финляндии одновременно в двух переводах, Ярнефельт отмечает необычайный успех книги у покупателей: «...все издание разошлось у обоих издателей...» и продолжает: «Этот роман, я думаю, принесет и в Финляндии огромную пользу, хотя люди тут имеют ту несправедливую отговорку, что порядки, описанные в вашем романе, возможны только в России. Но это только известные либералы».¹

Как и в других странах, восприятие Толстого в Финляндии различными общественными кругами было неодинаково. Борьба вокруг Толстого выражалась, в частности, в стремлении официальных кругов сузить значение обобщений великого художника. Характерно, что подобным же приемом консервативная финляндская печать 70-х годов пыталась оградить читателей от правильного восприятия сатиры Н. В. Гоголя.

Передовые деятели культуры, напротив, помогали читателям своих стран оценить международное значение толстовской критики коренных противоречий буржуазных порядков. Ярнефельт даже советовал своей сестре, помогавшей ему в работе над переводом «Воскресения», вставлять в текст побольше финских пословиц и поговорок, чтобы приблизить героев романа к финляндской действительности. Деятельность Ярнефельта как переводчика Толстого имела большое значение и для дальнейшего развития прогрессивных тенденций в литературе Финляндии.

В произведениях Ярнефельта 90-х и 900-х годов судьбы людей и их характеры тесно связаны с окружающим социальным миром, герои заняты социальными исканиями и отказываются от господствующих норм жизни. Образ угнетенного крестьянина встает со страниц романа «Елена» и в особенности повести «Дети матери-земли». Он всегда незримо присутствует в сознании действующих лиц. Сельские идиллии возникают и разрушаются.

Сильная сторона творчества Ярнефельта анализируемого периода — острая постановка проблемы социальной несправедливости. Однако решать ее писатель предлагал в духе религиозно-этических или социально-утопических теорий Толстого. Именно поэтому отрицание в его произведениях имело большее значение для современников, чем утверждение. Отрицая сословно-классовое деление общества, Ярнефельт противопоставлял ему идею равенства людей, осуществление которой видел во всепрощении, в пробуждении «совести» угнетающих классов и в устранении от насилия.

Эти черты творчества Ярнефельта развились под несомненным влиянием художественного гения Толстого. Столь же очевидно, что Ярнефельт никогда не достигал художественной глубины, свойственной реалистическому методу Толстого. Однако народность содержания его произведений, публицистичность постановки социальных проблем, смелость разоблачения общественного зла и искренность стремления помочь угнетенному крестьянству привлекала к нему симпатии широкого круга трудящихся читателей, в том числе и рабочих-социалистов, хотя в положительной программе писатель резко расходился с ними. Известный деятель революционного движения финляндского пролетариата Юрьё Сирола писал: «Главное в том, что он один из наиболее талантливых по общему признанию писателей нашей страны, ближе всех стоит к бедноте».²

¹ Письмо А. Ярнефельта от 21 июня 1900 г. Хранится в рукописном отделе музея Л. Н. Толстого.

² Y. Sirola. Arvid Järnefelt Suomen työväen joulualbumi, X. Helsinki, 1907, стр. 79.

* * *

Уже говорилось о том, что Ярнефельт с первых шагов на литературном поприще показал себя защитником бедных и угнетенных. И все же эта тема почти не развивается в его первом романе «Отечество» (1893 г.).

Развенчивая фальшь и пустоту культурной жизни буржуазии Финляндии 80-х годов, Ярнефельт критикует вместе с тем и другие порождения капитализма. В романе противопоставлены два характера: хитрый, самоуверенный и удачливый Ниемеля и честный, трудолюбивый, настойчивый Вуорела — отец. Ниемеля — лесопромышленник, первый местный предприниматель-капиталист. Его богатство началось с бутылки водки, с помощью которой он воровским образом заполучил большие деньги; его культура сводится к сумме внешних бытовых правил, усвоенных от «городской» прислуги. Благополучие и «культура» в доме Ниемеля осеняет гипсовый бюст Снельмана. Старый Вуорела в отличие от Ниемеля положил начало своему хозяйству честным трудом.

Изображая идеализированный образ патриархального хозяина, Ярнефельт показывает, как с годами, проведенными в тяжелой борьбе с природой, усадьба Вуорела разрослась и вбирает в себя труд многих работников, которые живут в добром согласии с хозяином. «Там,— пишет Ярнефельт,— жили по старым народным обычаям, хозяин и работники ели кашу из одной тарелки и вместе, как братья, работали». Вуорела, с подозрением относившийся ко всему новому, был самым убежденным противником идеи организации школы, тем более, что выдвигал ее Ниемеля. Ниемеля выписывал для работников газеты и книги, застраховывал от несчастных случаев, но за один стол не садился с ними и не забывал наказывать. Его работники не были заинтересованы в успехе его хозяйства, пили водку и работали плохо.

Рисуя взаимоотношения Ниемеля и старого Вуорела, Ярнефельт не прибегает к средствам иронии, как это было при изображении Хейкки Вуорела. Автор сочувствует старому Вуорела, которому все-таки приходит конец. «Время сгибает даже самое крепкое дерево», — замечает по этому поводу местный учитель, ревностный защитник нового. Со смертью Вуорела его образцовое хозяйство перешло не сыну, ставшему городским человеком, а мужу его приемной дочери, который быстро истощил землю и не мог удержать работников, а новые были временными и ненадежными. Старому приходит конец, новое же несет с собой больше зла, чем добра,— говорит Ярнефельт. Он не смеется над Ниемеля, а скорее с грустью внушает читателю, что так оно и будет, раз капитализм уже заявил о своем праве на существование.

Ярнефельт подтверждает эту мысль еще одним из образов, поставленным в некотором отдалении от основного повествования романа. Это — лесозавод, построенный благодаря сделкам того же Ниемеля. Ярнефельт ни разу не ведет читателя на завод, но его страшная притягательная и губительная сила чувствуется во всех главах, посвященных деревне. Маленький Хейкки Вуорела, в детстве тактщательно оберегаемый от малейшего влияния нового, нечаянно увидел издали лесопилку с большой трубой, множество людей, спящих вокруг завода — и был очарован. Но лесопилка очаровывала не только детей: привлеченные заработком, крестьяне целыми семьями уходили на завод, в этот огромный муравейник, где все работали вместе, пели, веселились и жили только сегодняшним днем.

Как бы случайно то там, то здесь Ярнефельт роняет штрихи, характеризующие завод и заводских рабочих. Это к заводским девушкам, бледным и всегда усталым, бегают работники с усадьбы Ниемеля. Это на заводе пьют без меры и работают не на совесть, а из страха. Это с завода расползаются по всей волости страшные болезни. Завод изнуряет, опустошает и уродует людей, но он требует и требует новых жертв, и, как Молох, днем и ночью терзает свою добычу.

Ярнефельт не индивидуализирует ни одного образа из огромной массы поработанных заводом людей, но это не мешает писателю изобразить капитализм как большое и неотвратимое зло, с которым трудно, но нужно бороться.

В сущности, история взаимоотношений Ниемеля и Вуорела и введение образа лесозавода понадобилось Ярнефельту для оттенения того, что творилось в студенческом кружке в Хельсинки. Там произносилось неисчислимое количество речей в честь Снельмана, родины и народа, но никто не знал о подлинных страданиях и тяготах народа.

Грустно-иронический тон повествования говорит о желании автора как бы отойти от активного вмешательства в жизнь. И все же роман содержит критику некоторых сторон капиталистической действительности, и это сближает его с последующими произведениями Ярнефельта.

В романе можно найти черты, сближающие его с творчеством И. С. Тургенева. В изображении взаимоотношений старого и молодого Вуорела есть несомненный отзвук тургеневской темы «отцов и детей». Сама по себе эта тема была актуальной в Финляндии в пору разочарования молодежи в «старофенноманах» — с одной стороны и с другой — в пору возникновения финской интеллигенции, которую в подавляющем большинстве составляли выходцы из более или менее зажиточного крестьянства. При создании романа «Отечество» Ярнефельт опирался прежде всего на окружающую его финляндскую действительность, хотя это не исключает возможности воздействия одного из наиболее любимых им писателей. Характер Хейкки Вуорела с его слабоволием, нестойкостью убеждений, с его поверхностностью напоминает Аркадия Кирсанова, а студент-медик Олли, с которым Ярнефельт иногда сталкивает молодого героя, похож на Базарова. Этот образ, правда, очерчен писателем схематично и не играет столь большой роли, как Базаров в романе Тургенева. В целом же, вопрос о влиянии творчества Тургенева на романы Ярнефельта, заслуживает специального исследования и в данной статье не будет подробно анализироваться.

Критика приняла роман Ярнефельта благожелательно. Особенно подчеркивалась неожиданная (хотя мы пытаемся доказать, что неожиданного было мало) зрелость первого крупного произведения молодого писателя. Изображение общественных противоречий, подмеченных Ярнефельтом здесь почти не обратило на себя внимания. Как писал Ю. Сирола: «Острые критики было спрятано так глубоко, что оно почти никого не укололо».¹

В книге-проповеди «Мое пробуждение»² (1894), над которой Ярнефельт работал параллельно с завершением «Отечества», трактуются примерно те же вопросы, что и в романе, но на этот раз с точки зрения толстовства. Этой книгой Ярнефельт как бы завершает поиски правды, не найденной им в «цивилизованном» обществе публичным признанием

¹ Työväen joulualbumi, X, стр. 76.

² A. Järnefelt. Heräämiseni. Helsinki, 1894. На рус. яз. Ернефельт. «Мое пробуждение», М., 1921.

своего обращения к учению Толстого и более нравственной трудовой крестьянской жизни.¹

Близость писателя к крестьянской жизни во многом предопределила тематику последующих его произведений. Разумеется, были и другие, более глубокие причины. Крестьянский вопрос, уже в 80-е годы стоявший в центре общественного внимания, становится в 90-е годы ещё более острым и актуальным. Усилившаяся эксплуатация год от года ухудшала положение безземельного крестьянства и торппарей и порождала недовольство и волнения в народе.

Ярнефельт, ежедневно наблюдавший тяжелую жизнь сельской бедноты, не мог остаться равнодушным свидетелем беззаконий и несправедливостей. Уже в 1886 г. в «Письмах из России» писатель подчеркивал высокую общественную роль литературы. Теперь настала пора, когда он увидел основную проблему, поставленную эпохой, и определил свое отношение к ней. Крестьянство — эта огромная, но угнетенная сила — нуждалось в помощи честных и образованных людей, и гражданский долг повелел Ярнефельту встать на его защиту. Разоблачая и протестуя, ища выхода и ошибаясь, шел писатель по избранному им пути, убежденный в необходимости и правоте своего дела.

В 1895 г. издается сборник статей и очерков Ярнефельта «Атеист».² Большинство статей сборника направлено против догм церкви, содержит антиклерикальную критику в духе толстовства. Один из очерков — «Хозяева и торппари» — как видно уже из его названия, посвящен крестьянскому вопросу и представляет собой взгляд на историю развития основного социального конфликта капиталистической Финляндии.

Композиция очерка такова, что создается впечатление неизменности, статичности взаимоотношений хозяев и землепашцев, несмотря на смену эпох и истории. Ярнефельт рассказывает о том, как при феодализме господин заставлял землепашца стоять перед ним без шапки, что символизировало полное порабощение крестьянина помещиком, который мог в любое время согнать его с земли. Это начало очерка. Конец его повествует о современном писателю времени. И оказывается, современные землевладельцы всяческими беззакониями довели торппарей до такого состояния, что «Скоро они, очевидно, найдут правильным стоять перед своим господином без шапки», — как саркастически отмечает Ярнефельт. Столь разительное сходство прошлого с настоящим писатель объясняет незыблемостью принципа частного землевладения. Историческое развитие, по его мнению, состояло в том, что при феодализме этот принцип был откровенным и открытым, а при капитализме — оказался стыдливо завуалированным множеством законодательных ухищрений. Как пишет Ярнефельт, право собственности «из захваченного ими самоуправного господства понемногу превратилось в охраняемое законом священное право (разрядка Ярнефельта — А. Х.), на котором сейчас зиждется все общественное устройство».

Ярнефельт напоминает о том, что землевладельцы множество раз призывали на помощь закон, чтобы «согласовать священное право собственности с желаниями тех, кто обрабатывает землю». Когда земле-

¹ Опубликование «Моего пробуждения» положило начало переписке Ярнефельта с Л. Н. Толстым. Мать Ярнефельта перевела на русский язык главу «Почему я не стал судьей» и, вместе с финским и шведским изданием книги послала ее Толстому 2 февраля 1895 г. В мае того же года Толстому был послан перевод всей книги. 18 июня 1895 г. Толстой записывает в дневнике: «Нынче дочел Эрн (фельда), искренне и умно, но слишком кропотливо, мелко» (Полн. собр. соч., т. 53, стр. 44). В письмах Ярнефельту от 1 февраля 1895 г. и 22 декабря 1895 г. Толстой очень сочувственно отзывается о книге «Мое пробуждение».

² A. Järnefelt. Ateisti. Helsinki, 1895.

владельцы перестали считать действительными договоры торппарей с прежними владельцами земли и торппари начали уходить на промыслы, заработали юристы — и массовый уход с земли был предотвращен. «...Юристы всегда умны, — констатирует автор. — Они и сейчас убили одним ударом двух мух: уладили трудное дело и создали себе возможность получать добавочные доходы», ибо они «уладили» дело таким образом, что торппари получили возможность через каждые десять лет возобновлять свое право на земельный участок, внося в судебные органы большую сумму денег. Но поскольку торппари не могли платить в суд, а хозяева чаще всего не соглашались на письменный договор, положение не улучшилось. Землевладелец мог согнать крестьянина с земли хотя бы потому, что ему понравилось место, занимаемое лачугой или приглянулось поле, превращенное из болотистой чащобы в плодоносящий участок. Если торппари пытались протестовать, им указывали на святость извечного права хозяев.

Раз в пять лет землевладельцы собираются на совещания и обсуждают свои действия. Ярнефельт иронически пишет: «И хозяева все еще «устраивают». Естественно, что дело надо устроить, не нарушая никоим образом священной идеи права собственности. Оно всегда было первым принципом хозяев. Оно является краеугольным камнем всякой свободы». В этом рассуждении писатель зло смеется над землевладельцами и «законниками» и над правом собственности — основой того «свободного» общества, в котором он живет.

Бесконечно сменялись комитеты, вносились соображения, делались заключения, и когда опять был готов новый закон — он имел вид объемистой внушительной книги, увидя которую «торппари, разумеется, онемеют и, наконец-то, поймут, что этот вопрос выше пределов их понимания». Дал ли новый закон что-нибудь торппарям? О да! Теперь они могли в любое время уйти от хозяина, в наказание ему за отсутствие письменного контракта. «А чтобы идея собственности не страдала односторонностью, — ядовито поясняет автор, — разрешили и хозяину в таком случае сгонять торппаря с земли».

Священное право собственности на землю и на сей раз было спасено от осквернения и укреплено. Поэтому-то торппари должны научиться смирению и предупредительности по отношению к хозяевам, и не лучше ли им ломать шапку перед господами?

Таков, вкратце, ход рассуждений Ярнефельта в его очерке «Хозяева и торппари». Содержание очерка свидетельствует о том, что писатель, решив сблизиться с крестьянством и помочь ему, щедро отдает свои знания народу, разъясняя ему суть буржуазного законодательства. Университетские занятия правом сказались в этом очерке в широком применении материалов истории законодательства, истолкование же этих материалов — факт мировоззренческого порядка, и он говорит о глубоком демократизме писателя. Ярнефельт вполне материалистически понимает буржуазное право как узаконенное беззаконие и внушает эту мысль читателям в надежде открыть глаза тем, кто больше других страдает от соприкосновения с законами. Хотя здесь речь идет главным образом о землевладении, очерк тем не менее направлен против основ буржуазного общества вообще. Основанное на неприкосновенном праве частной собственности оно состоит из хозяев и работников, которых примирить невозможно. Противоречия между ними лишь углубляются, а в чем выход из такого положения — Ярнефельт не знал. Через несколько лет у него появится положительная программа — утопическая теория Генри Джорджа, сейчас же он только разоблачает. Ярнефельт хорошо владел приемами сатирического письма, поэтому

с каждой страницы очерка слышен гневный смех писателя, и все произведение в целом звучит обвинительным документом против хозяев и их законов.

Форма очерка «Хозяева и торппари» — последовательность в изложении, отсутствие лишних моментов, сосредоточение повествования вокруг одной мысли, лаконичный язык — свидетельствует о том, что Ярнефельт едва ли не лучше владел пером публициста, нежели беллетриста.

Непримиримое отношение к социальному злу превращало Ярнефельта в страстного публициста. Вместе с тем его романы и повести иногда чересчур прямолинейны в разоблачении зла и в утверждении идеалов. Эти качества хороши для публициста, и Ярнефельт не упускал случая использовать их по прямому назначению.

Так написан и его дневник «Путешествие по России» (1899 г.).¹ Год издания дневника напоминает о тяжелом для Финляндии времени. Во второй половине 90-х годов царизм вел открытую руссификаторскую политику, направленную к полному уничтожению автономии Финляндии. Генерал-губернатором был назначен деспотический чиновник Бобриков, державший воинские части в постоянной боевой готовности. «Продажная и пресмыкающаяся», по выражению В. И. Ленина, печать давно уже вела травлю Финляндии, стремясь возбудить в России шовинистические настроения. В феврале 1899 г. был издан манифест, лишивший финляндский сейм права издавать законы. В. И. Ленин назвал это «вопиющим нарушением конституции, настоящим государственным переворотом».² Общественность Финляндии была возмущена незаконными действиями царского правительства и обеспокоена судьбой своей страны.

Возникла мысль обратиться за советом к Л. Н. Толстому. К яснополянскому мудрецу ехали и шли люди со всех концов света с самыми различными вопросами, сомнениями, страданиями, и каждому Толстой старался помочь в меру своих убеждений. Арвид Ярнефельт тоже должен был поехать посланцем маленького финского народа к великому представителю великого русского народа.

Ярнефельт давно желал встретиться с Л. Н. Толстым, однако он неохотно делал что-либо ради удовлетворения личных желаний, да и Толстой, знавший о его трудном материальном положении, не советовал тратить деньги только затем, чтобы познакомиться друг с другом. Поэтому поездка откладывалась несколько раз. Теперь же, когда представилась возможность сделать что-то для других, Ярнефельт после некоторых колебаний поехал. Вместе с братом-художником Ээро Ярнефельтом он пробыл в России с 8 февраля до конца апреля 1899 г., совершив путешествие из Петербурга в Крым и обратно.

Две темы проходят красной нитью через путевой дневник Ярнефельта: уважение к русскому народу и сочувствие его страданиям. В годы раздувания русско-финской вражды Ярнефельт поставил перед собой благородную задачу: доказать финнам, что царское правительство, ведущее разнузданную травлю против Финляндии и совершающее насильственные антиконституционные действия, не выражает воли и стремлений русского народа, дружественного и столь же страдающего от внутреннего гнета. В Петербурге и в Москве Ярнефельт имел возможность наблюдать отношение различных общественных кругов

¹ A. Järnefelt. Matkani Venäjällä ja käynti Leo Tolstoin luona keväällä 1899 (päiväkirja). Helsinki, 1899.

² В. И. Ленин. Соч., том 5, стр. 283.

к Финляндии. Он видел мелких торговцев, чиновников, военных, преуспевающих и довольных существующими порядками людей, подпавших под влияние антифинляндской пропаганды продажных газет. Но Ярнефельт нашел и таких людей, которые оставались верны идеалу свободы и были возмущены подавлением автономии Финляндии. В 1899 г. Ярнефельт еще не знал, что самых горячих защитников финляндских свобод следовало искать в революционных кругах России, он не мог предвидеть, что русский пролетариат в 1905 г. возьмется за оружие, столь ненавистное всем толстовцам, и героической борьбой за свою свободу принудит царя пойти на уступки и в Финляндии. Ярнефельт писал: «Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Достоевский, Тургенев — разве ушли в прошлое созданные ими картины жизни и идеалы, дышащие такой чистой общечеловеческой свободой, разве прекратилось их влияние? Отнюдь нет... И поэтому я берусь утверждать, что из всех известных мне народов только среди русских, и в подавляющем большинстве, встречаются такие общечеловеческие по образованию и идеям характеры. В России их подвергают цензуре, поэтому они невидимы. Но в глубине бьется большое, даровитое и страстно любящее справедливость сердце, и никакие препоны не заглушат его биения.

В России у нас столько друзей, что мы и предположить не можем».

Здесь снова сказалась большая вера Ярнефельта в общественные возможности литературы и то сознательное восхищение русской литературой, которое никогда не изменяло ему.

Во время поездки из Петербурга в Москву писатель видел страшную бедность крестьянской жизни: кривые дома с провалившимися крышами, худых лошадей. И в то же время в вагоне второго класса, в котором он ехал — веселье, довольство, разговоры о крупных суммах денег; в Петербурге и Москве — роскошные дворцы и рестораны, откормленные жеребцы в золоченых сбруях... Сопоставив эти картины, Ярнефельт со свойственной ему иронией пишет: «И приходишь к выводу, что Россия — богатая страна».

О бедности народа и, в частности, крестьянства Ярнефельт говорил с Л. Н. Толстым, встреча с которым произвела на него большое впечатление. Толстой в это время увлекался теорией мелкобуржуазного американского экономиста Генри Джорджа, считавшего, что пропагандируемый им принцип «единого налога» на землю есть единственно правильный путь к уничтожению эксплуатации и нищеты крестьян. Толстой вдохновенно доказывал Ярнефельту возможность разрешения волновавшей их обеих крестьянской проблемы с помощью теории Генри Джорджа, и его финляндский ученик, по возвращении из России, принялся изучать труды американского экономиста, уверовал в него и даже стал его популяризатором в Финляндии, перевел несколько работ Джорджа на финский язык.

В «Путешествии по России» Ярнефельт, помня о цензуре, не мог сообщить мнение Толстого по финляндскому вопросу, но по осторожным намекам можно заключить, что великий «непротивленец» не отступил от своей веры и приветствовал только «пассивное сопротивление» руссификаторской политике.

Лозунг «пассивного сопротивления» был выдвинут буржуазией, боявшейся, что в случае активных действий народных масс против царского правительства волна гнева может захлестнуть и ее. С другой стороны, буржуазия Финляндии стремилась возбудить ненависть не к русскому царизму, а к русскому народу, и насаждала национализм. «Путешествие по России» Ярнефельта, напротив, содержало критику

национализма и содействовало прояснению классовых противоречий, которые буржуазия тщательно скрывала за едкой завесой национальной вражды.

Книга Ярнефельта, в трудные предреволюционные годы способствовавшая улучшению взаимопонимания русских и финнов, не утратила своего значения и в наши дни, когда с каждым днем крепнут дружеские связи народов Советского Союза и Финляндии.

В год опубликования «Путешествия» на сцене финского театра в Хельсинки впервые шла историческая драма Ярнефельта «Самуэль Крёэль»,¹ написанная годом раньше, в 1898 г.

Финляндское литературоведение не дало еще правильной оценки этой драме. По своей тематике пьеса непосредственно примыкает к очерку «Хозяева и торппари» и к другим более поздним произведениям писателя.

Ярнефельт снова поднимает тему антинародности и лживости законов. И снова, как в «Хозяевах и торппарях», он обращается к материалу истории.

Самуэль Крёэль (1600—1667 гг.) был доверенным лицом государственной казны в восточной Финляндии в 40—50-е годы XVII века. Благодаря его деятельности оказались разоблаченными хищения и злоупотребления властью, допускавшиеся многими феодалами и губернаторами. Финляндские историки мотивируют непримиримость Крёэля его местью дворянам, обвинившим его во взяточничестве и заточившим его в 1653 г. в крепость. Ярнефельт снимает мотив мести и изображает Крёэля защитником народа от притеснений высокопоставленных дворян, человеком, преданным идее справедливости и верящим в победу права и правды на земле. Такая трактовка героя позволила показать уходящие в далекое историческое прошлое корни беззакония (слова, которыми крестьяне в этой драме выражают свое возмущение феодальными порядками, применимы и к капиталистической эпохе) и столь же давнюю вражду народа к угнетателям. Образ народа рисуется Ярнефельтом при помощи ряда массовых сцен и отдельных эпизодических типов крестьян, бегло, но метко охарактеризованных. Ярнефельт показал народ не только как трагический объект беззаконий и издевательств, но и как великую потенциальную силу протеста. Героя же своего он не мог не сделать выразителем толстовских взглядов. Отсюда — противоречивость драмы. Реалистические картины народного гнева насыщены значительно большей эмоциональной силой, нежели провозглашение Самуэлем Крёэлем «законных» путей борьбы и его последующее примирение со злом.

Содержание драмы сводится к следующему. Дворяне, ненавидящие Самуэля Крёэля за то, что он — крестьянин — «рядится в рыцарские доспехи», обвиняют его во взяточничестве. Крёэлю грозит смертная казнь, от которой его спасает только предприимчивость его жены. Крёэль вынужден признать правоту обвинения, но взяточничество его совсем особого рода: он не мог не принимать подарки от крестьян, чистосердечно благодаривших его за освобождение их сыновей от службы в армии шведского короля. Крёэль поступал так потому, что был против «святой» войны, которую уже много лет вел Густав-Адольф в Германии, защищая протестантизм. Крёэль правильно оценивает суть этой войны: «Наплевать мне на святую веру. Все это только грабеж. Возвеличивать ее заставляет нечистая совесть». Он не может без тревоги думать о разорении финских крестьян, о бесчинствах, совершаемых

¹ A. Järnefelt. Samuel Gröell. Helsinki, 1899.

чиновниками и духовенством во имя святой веры: «Все, называющие себя господами и чиновниками, тянут, чтобы последние крохи не попали в другие руки. Беззакониям нет границ. И я вижу пред собой глаза, подобные потухающим углям, которые больше не зажгутся». Чувствуя всевластие господ, Крёэль хочет бежать, чтобы спастись от смертной казни, но его жена, решительная и гордая женщина, указывает ему другой путь: благодаря своим связям в высших стокгольмских кругах (София — дочь знатного шведского дворянина) она открывает мужу возможность борьбы с местным дворянством. Разграбление страны и обман государственной казны, творимый дворянами в финляндских губерниях, не нравится королю, поэтому он спасает Самуэля Крёэля от смерти и дает ему право контроля над местными властями. Начинается борьба. Борьба Крёэля с местным дворянством выгодна шведскому правительству, но главной побудительной причиной его разоблачений является стремление к установлению справедливости в стране. «Право не может делать различия между высшими и низшими, а должно мерять всех одной меркой! — восклицает он. — И я верю, что справедливость должна наступить!» Он бросает обвинения в лицо генерал-губернатору, требуя, чтобы грабеж народа был прекращен и все «неповешенные воры» наказаны. Хотя Самуэль Крёэль считает себя слугой правительства, преследование им высших должностных лиц оказывается неугодным двору, и король лишает его своей поддержки. Крёэль попадает в тюрьму, переживает крах своих иллюзий и понимает невозможность достижения справедливости. Вместо того, чтобы взять в руки оружие и встать, как того хотели крестьяне, во главе восстания, он, считая восстание тоже беззаконием, отказывается от борьбы и приходит к примирению со своим злейшим врагом.

Слепой вере Крёэля в закон и справедливость противопоставляется, с одной стороны, расчетливость Софьи, которая понимает, что правительство никогда не станет защитником народа и врагом высшего дворянства и поэтому старается удержать мужа от борьбы, с другой стороны, неверие крестьян. Зная о его деятельности и удачных результатах начатого разоблачения, крестьяне возлагают на Крёэля большие надежды. Когда Крёэль, воодушевленный удачами и твердо верящий в правоту своего дела, появляется среди крестьян, они хотят помочь ему, встать с оружием в руках против господ и смести их. Народ предлагает Крёэлю быть вождем, но это несовместимо с его принципами, и он отказывается. Как ни убеждают крестьяне Крёэля в том, что «если хочешь уничтожить господ, то тебе нужна сила», — он запрещает им применять оружие и обещает остановить незаконный набор в армию словом закона. Народ понимает наивность речей Крёэля («Какой там закон! Господин господину не отомстит», — замечает один из крестьян) и пытается переубедить его. Крестьяне готовы поднять на активную борьбу не только свою волость, но и Карелию, и Ингерманландию, лишь бы он взял на себя руководство, и слышат от него: «У меня нет на это права». «Возьми право!» — безуспешно внушают ему крестьяне. Последний страстный монолог о господах Ярнефельт вкладывает в уста старого крестьянина Павола: «Мы ненавидим их. Если бы у них были орлиные когти, волчи зубы, медвежья сила, и они поднялись бы против нас, мы бы не ненавидели их. Но они не выше нас, они даже слабее нас, они той же человеческой породы, той же крови, из того же мяса — и все-таки мы должны безоружными стоять перед ними и бежать, воткнув нож в ножны. Поэтому, Самуэль, поэтому мы ненавидим их, ненавидим!»

Крестьяне, не вняв совету Крёэля, ушли в лес, а его самого по приказу шведского правительства, как смутьяна и возмутителя, заточает в крепость его злейший враг — губернатор.

Крестьяне все же еще надеются на Крёэля и через три года снова предлагают подняться с оружием в руках против господ. Но если раньше, по выражению Софьи он был «настолько глуп, что боролся за справедливость без меча», то теперь, после трех лет заточенья, он пришел к пессимистическому выводу: «Не добиться правды на земле», а поэтому лучше всего — примирение с врагами. По выходе из тюрьмы Крёэль убеждает крестьян отказаться от восстания и тихо продолжать жизнь, полную страданий. Но не этого они ждали от него. И когда Крёэль советует одному из них протянуть врагу руку примирения, крестьянин плюет ему в лицо. Зрителю ясно, что ни этот крестьянин, ни другие, собравшиеся невдалеке и готовые по первому знаку Крёэля кинуться в бой, не будут уже безропотно переносить страдания, не сложат оружия. Моральная победа и в этой сцене остается за крестьянами.

Самуэль Крёэль приходит к финалу драмы с ощущением «глубокого, глубокого покоя», сошедшего на него после примирения с его тюремщиком, прежним губернатором. Характер его проходит в драме как бы через три ступени развития: от пассивного созерцания к активному (по-своему) действию и от него — к проповеди философии примирения. Но зритель не видит, как совершается эволюция, и это умаляет психологическую убедительность образа. Несколько логичнее все же переход Крёэля от оптимизма к пессимизму, потому что наивность его идеалов с самого начала противопоставлена Ярнефельтом трезвости народного мышления. Разочарование приходит с неизбежностью. Развитие характера Крёэля и по существу противоречащее ему содержание драмы заставляет задуматься над вопросом: сделав историческую личность героем своего произведения, выразил ли Ярнефельт в нем свои идеалы?

Ярнефельт никогда не проповедовал примиренчества в социальных вопросах. Это подтверждают и последующие его произведения. Теория непротivления злу насилieм имела в виду необходимость сопротивления, хотя и исключала возможность применения силы, поэтому Крёэль лишь отчасти соответствует идеалу Ярнефельта на втором этапе своего развития. Но и этот второй этап показан им как несостоятельный. Очевидно, замысел Ярнефельта заключался в чем-то другом.

Внимание писателя давно было приковано к крестьянской проблеме, но решения ее он еще не нашел. Драма, как явствует из письма Ярнефельта к Толстому, была завершена уже в 1898 г. и поставлена до поездки в Москву. Спасительная теория Генри Джорджа, ставшая впоследствии положительной программой писателя, была ему еще неизвестна, и его герой терпит крах в своих попытках помочь народу. С другой стороны, принципиально не одобряя насильственного сопротивления злу, Ярнефельт не мог не показать готовности народа к вооруженному выступлению против феодалов. Антифеодальные настроения конца XVI века, в особенности Дубинная война и ее трактовка в поэзии Каарло Крамсу, подсказывали Ярнефельту необходимость показать крестьянство XVII века как силу, непримиримо противостоящую землевладельцам. Это противопоставление усиливается сценой пиршества во втором акте, где перед зрителем предстает отвратительная в своем презрении к народу, в разнузданности и средневековой жестокости кучка феодалов. Народ, уверенный в том, что «скоро кончится власть господ!», — как говорит молодой крестьянин Пекка, — осознает себя силой, враждебной феодалам. Ненависть народа велика, и она обяза-

тельно должна вылиться в вооруженное столкновение с господствующим классом. В этом убеждает зрителя Ярнефельт. В изображении народа и заключается основной замысел драмы. Борьба народа против хозяев неизбежна, говорит писатель, этому учит опыт истории.

Драма «Самуэль Крёэль» является художественным претворением мыслей Ярнефельта, высказанных в 1895 г. в очерке «Хозяева и торп-пари», и предвестницей романов, в которых Ярнефельт предпримет попытку разрешить крестьянскую проблему на современном материале.

Ярнефельт пересказал содержание «Самуэля Крёэля» Л. Н. Толстому в письме от 14 декабря 1898 г. Толстой ответил, что ему нравится содержание драмы и пожелал ей успеха «и даже успеха материального, который для вас, вероятно, нужен не для роскоши, а для свободы от нужды».¹

Пьеса шла в 1899 г. на сценах финского и шведского театров в Хельсинки, и была принята в целом положительно. Игнорируя социальную природу конфликта, отраженного Ярнефельтом, критики рассуждали о «праве» и «справедливости», возводили образ Самуэля Крёэля в символ правдоискателя-идеалиста, не понятого миром и погубленного им. Такой трактовке драмы способствовала крайне напряженная обстановка внутри страны, когда права финского народа и принцип справедливости грубо нарушались царским самодержавием. Однако подлинное содержание и значение драмы А. Ярнефельта «Самуэль Крёэль» раскрывается лишь при сопоставлении ее со всем творчеством Ярнефельта 90-х — 900-х годов, при учете того, с какой настойчивостью, разными средствами и во многих жанрах поднимал писатель социальные проблемы и, прежде всего, крестьянский вопрос. Поэтический экскурс в историю взаимоотношений землепашцев и землевладельцев привел Ярнефельта к провозглашению необходимости изменения установившихся порядков путем борьбы с ними.

Ярнефельт снова и снова поднимает в своих произведениях социальные проблемы, острота которых с наступлением империализма все возрастала. Продолжая жизнь земледельца, он общался с различными слоями крестьянства, предпочитая самых бедных, нуждавшихся и в материальной и в моральной поддержке. Небольшие лесобумажные предприятия, расположенные в районе станции Виркбю, недалеко от которой лежал его участок, позволяли писателю наблюдать и жизнь промышленных рабочих. Наблюдения эти использовались им уже в романе «Отечество».

В первое десятилетие XX века Ярнефельт неоднократно обращается к изображению жизни крестьян и рабочих и в то же время расширяет охват жизненного материала, включая в свои произведения критику многих сторон общественной и государственной жизни. Социальные обличения, звучащие в романе Ярнефельта «Елена», в его повести «Дети матери-земли» и в особенности в очерке «Земля принадлежит всем!», имели в свое время большое общественное значение, несмотря на то, что положительные идеалы, проповедовавшиеся писателем, по-прежнему значительно ослабляли их реалистическую силу.

Сказанное более всего касается романа «Елена»,² написанного в 1902 г. Ярнефельт вместил в этот роман и изображение раннего этапа классовой борьбы финляндских рабочих, и крестьянский вопрос, и критику армейского офицерства, и обличение церкви; и все же благопо-

¹ Л. Н. Толстой. Полное (юбилейное) собрание сочинений, т. 71, стр. 517, письмо от 16 декабря 1898 г.

² А. Järnefelt. Helena. Helsinki, 1902.

лучный (по Генри Джорджу) конец и пронизывающие вторую половину книги идеи толстовства нарушают реалистическую целостность произведения.

В центре романа образ девушки из богатой семьи, которая приходит к признанию необходимости общественного равенства, к толстовству и затем к теории Генри Джорджа.

Показывая эволюцию ее характера и мирозерцания, Ярнефельт сталкивает свою героиню со многими людьми, с различными социальными явлениями, в оценке которых отчетливо проявляется его критика современного капиталистического общества.

Первое такое столкновение произошло еще в детстве. Девочка знала, что ее родители не верили в бога, мать внушала ей только учение о совести—и вдруг отец принудил ее пройти конфирмацию. Чтобы как-то согласовать необходимость подчинения воле отца со своей совестью, Елена участвует в конфирмации, но вместе с тем безудержно издевается надо всем, что происходит в церкви. Ярнефельт резко осуждает церковь, сцена конфирмации перерастает в ядовитую сатиру на религию вообще. Картину дополняет образ сластолюбивого старого пробста, которому было очень трудно растолковать Елене шестую заповедь, ибо сам он смотрел на свою юную прихожанку с большим вожделением. Уже за одну эту сцену роман Ярнефельта был подвергнут яростным нападкам со стороны официальных кругов.

Второй случай, открывший Елене лицемерие общества, казалось, был связан только с ее семьей, но пытливая и не терпящая лжи девушка сделала из него далеко идущие выводы. Елена случайно узнала, что парень, орудовавший ножом в одной из обычных воскресных драк фабричных рабочих и за это попавший в тюрьму,—ее брат. Одна из работниц имения, ненавидящая, как и все рабочие и окрестные крестьяне, отца Елены—владельца лесопильного и бумажного заводов, в порыве негодования еще больше приоткрывает перед девушкой завесу правды: «Хоть бы заботился о своих щенках, черт пучеглазый. Да, если фрёкен соизволит оглянуться вокруг, она их увидит везде!» Открытие потрясло Елену, и она потребовала объяснений от матери. Когда она узнала, что отец мотивирует свою холодность к матери материальными причинами (существовало завещание, согласно которому имение должно было перейти его детям от первого брака), а к своим побочным детям питает отвращение и ненависть, она поняла, что «в этом мире все наоборот. Все основано на лжи, на каждом шагу обман». В то же время она почувствовала какую-то странную нить, связавшую ее с массой народа, казавшейся еще недавно далекой и «черной».

Елена жаждет каких-то действий против этой лжи, с которой все мирятся и которая освящается церковью. «И если бы она не чувствовала себя одинокой, если бы нашла хоть одного человека, способного понять ее, она была бы готова без раздумий предпринять самые смелые действия против этой лжи»,—пишет Ярнефельт. Чтобы сделать хоть первый шаг, Елена хочет освободиться от условностей обручения. Она любит своего жениха, офицера Георга, но он не может жениться на ней раньше, чем через несколько лет, когда достигнет звания капитана. Елена решает, что обручение—пустая формальность. До дня свадьбы каждый из них должен быть свободен, и время, а не внешние узы, должно доказать, любят ли они друг друга. Георг, воспитанный в твердых правилах кадетского училища, делал все, «как другие»,—тщательно следил за блеском своего мундира, но не задумывался над обычным ходом жизни, и поэтому совсем не понял намерения Елены.

Елена сумела пойти и на нечто большее, чем отказ от обручения. Ярнефельт вводит в роман еще один очень важный персонаж. Это агитатор-социалист Рейнгольд Корпимаа. Он-то и оказался тем единственным человеком, который понял искания Елены и поначалу поддержал ее.

В главах романа, связанных с Корпимаа, Ярнефельт создает реалистическую картину подъема социального сознания фабричных рабочих и местных безземельных крестьян. Когда Корпимаа пытается объяснить им смысл социализма, необходимость объединения в борьбе против власти имущих, значение рабочей газеты, распространяемой им, то далекие от всякой общественной жизни люди, прежде собиравшиеся лишь для пьянства и драк (здесь Ярнефельт продолжает начатую им в романе «Отечество» тему зла, насаждаемого капитализмом), не могут его понять. Только благодаря случаю, взволновавшему всех, агитатору удалось пробудить в народе совсем новые понятия, вдохнуть в людей искру борьбы, поднять их человеческое достоинство и разбудить классовый разум. Местный пробст, который вел разгульную жизнь, начал вводить повышенный церковный налог, возложив его, главным образом, на плечи рабочих. Корпимаа, узнав об этом, стал горячо доказывать рабочим несправедливость повышения налога и гибельность инертности народа. И тогда его поняли. Хотя мысль о совместных действиях против церкви и хозяев казалась рабочим необычайно смелой, она заиграла. Рабочие пошли вслед за агитатором на собрание, где впервые мнению горстки сильных мира сего было противопоставлено мнение народное; они собрались в лесу на организованную им сходку и, наконец, поднялись на забастовку с требованием повышения зарплаты. Вместе с рабочими выставили свои требования и крестьяне. Забастовка явилась причиной смерти отца Елены, но речи Корпимаа о равенстве людей, о борьбе, о солидарности трудящихся всего мира были откровением, прекрасным и желанным. Сознание того, что и она может стать полезной великому делу, преисполняет ее воодушевлением, затмевающим все другие чувства: и горе, причиненное внезапной смертью отца, и грусть расставания с родным домом.

После этого события быстро идут к развязке. Действие переносится в Хельсинки. Писатель сталкивает свою героиню еще с одной социальной группой — высшим светом столицы. Елена выступает во второй части книги уже как окончательно сформировавшийся характер. Она пытается воздействовать на общество, окружающее ее, надеется найти в нем людей, способных принять социализм и помочь ей распространять идеи равенства и преобразования мира. Но она не встречает таких людей. В лучшем случае, то один, то другой офицер, увлеченный красотой Елены, как будто заинтересовывается социалистическими теориями, но затем быстро отказывается от них.

В двух-трех сценках Ярнефельт создает обобщенную картину жизни офицерства, приближающуюся по силе разоблачения к характеристике высшего офицерства в романах Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение».

Офицерство — гордость высшего света. Офицеры безупречны в этикете, в танцах, но ярче всего их индивидуальности проявляются в ночной клубной жизни, где каждый из них может быть самим собой. Когда же Ярнефельт начинает знакомить читателя с отдельными офицерами, оказывается, что характер одного проявляется в том, что он может очень много выпить, другой не терпит одиночества, третий искусно изображает обезьяну, четвертый больше всего на свете любит катание на санях.

«Разумеется,— пишет Ярнефельт,— убеждения обычно не составляют сильную сторону офицерства». В клубе как будто все было иначе: шли горячие споры, каждый офицер имел сугубо персональную точку зрения на вопросы любви. Ярнефельт показывает жаркие дискуссии офицеров, комментируя их подобными рассуждениями: «Природа человека удивительна. Как велико различие между ним и животным! И особенно в вопросах любви. Животное — дитя мгновения, тогда как человек в пору цветения молодости может провести года, может дожить до маленькой лысины в чистоте неведения, заглушая прорывающееся в сердце любовное кукование. Да из каких благородных побуждений! Он еще не расплатился с долгами! Или он еще не повышен в звании!»

Только немногие офицеры понимают ничтожность своего существования. Таким оказался Георг, бывший жених Елены, перемена в котором произошла где-то за пределами романа. Во второй части книги Георг — несколько отчужденный от других офицер, озабоченный уже не повышением в чинах, а углублением своих знаний. Значительные изменения претерпели и взгляды Рейнгольда Корпимаа. Во второй части романа Ярнефельт развенчивает его. Пробыв три года за границей, куда он ездил для изучения социалистических теорий, Корпимаа вдруг оказывается человеком, далеким от революционных идей. Свои прежние убеждения он именуется теперь старыми иллюзиями, прежнему общению с народом предпочитает уединение в кабинете, вместо страстных статей пишет теперь сдержанно и малопонятно. Говорить он стал тоже туманно. Когда Елена, не понимающая изменившегося Корпимаа, спрашивает у него, что же он теперь думает о социализме, он говорит о необходимости практической работы, понимая под этим достижение заметного «общественного положения» («нам» нужно просто занять «их» места), после чего, уже сверху, социалисты якобы смогут изменить существующие условия. Корпимаа изменил делу рабочего класса.

Эволюция этого образа объясняется не только мировоззрением Ярнефельта, его отвращением к насилию, но скорее всего, реалистическим взглядом писателя на те изменения, которые произошли в определенных кругах финской социал-демократии. Социал-демократическая партия Финляндии, сформировавшаяся в конце XIX века, не была единой и, тем более, марксистской. Она состояла из очень разнородных элементов и заметно тяготела ко II Интернационалу, чему способствовали поездки ее деятелей в Германию. В ней были сильные правые элементы, предопределившие позднее превращение финской социал-демократии в реакционную националистическую партию.

С другой стороны, Ярнефельт, разумеется, не понимал необходимости пролетарской революции и неизбежности капиталистического развития. Об этом говорит эпилог книги, в котором писатель пытается разрешить все поставленные им проблемы.

В эпилоге рисуется картина, которая должна была свидетельствовать об отсутствии объективных возможностей развития рабочего движения: бумажный и лесопильный заводы закрыты и здания их разбираются на дрова. Столь фантастические события Ярнефельт мотивирует тем, что крестьяне добились сноса плотины, которая прежде накапливала воду, заливавшую крестьянские поля в верховья реки. Владельцы имения не смогли или не пожелали добиться пуска заводов — и предприятия оказались ненужными. Так решен рабочий вопрос. Может быть, живя в городе, Ярнефельт смог бы глубже понять закономерность развития промышленности и показал бы иное решение, но сейчас в писателе говорил убежденный толстовец и крестьянин.

Крестьянский вопрос Ярнефельт решает в романе столь же утопично, но менее мрачно. В эпилоге романа он рисует деревенскую идиллию в духе теории Генри Джорджа и неиссякаемой веры в добрую волю землевладельцев. Елена вернулась в бывшее имение отца вместе с Георгом, ставшим ее мужем. В ее взглядах тоже произошел перелом. Изменившийся Рейнгольд Корпимаа, которого она ждала, чтобы вместе и под его руководством продолжать борьбу за переустройство общества, принес ей огромное разочарование. Если Елена готова была ответить на его любовь согласием стать его женой — не по любви, но во имя идеи, пожертвовав собой для сохранения душевного равновесия вдохновителя великого дела, — то тем решительнее она теперь отказывает ему, ибо его измена убеждениям заставляет ее презирать Корпимаа. Она вновь оказывается одна и предается сомнениям, но предпринимает еще одну, последнюю, попытку протеста против общепринятых понятий: она вспоминает о своем побочном брате, вновь попавшем в тюрьму, и решает помочь заключенным. Однако и эта ее деятельность кажется опасной официальным кругам, и Елене запрещают доступ к заключенным. Остаются только безобидные уроки французского языка. Уроки сблизили Елену с Георгом, которого она все эти годы продолжала любить. Георг не стал ниспровергателем основ государства, но уже пришел к мысли о необходимости улучшения условий жизни крестьянства. Уйдя в отставку и купив имение, прежде принадлежавшее отцу Елены, Георг разделил его земли на множество маленьких участков и отдал их в аренду крестьянам за невысокую плату, имея в виду постепенное понижение ее. Он надеется постепенно «сползти с плеч крестьянина на землю». В имении Георга и Елены находят приют ее побочный брат и постаревший пробст, успевший посидеть в тюрьме за подлог. Труд исправляет их нравственно, пробужденный Еленой голос совести умиротворяет их. Таков конец романа. Непримируемый враг неравенства Ярнефельт не мог не подсказать обществу путей исправления. Утопический эпилог все же не заслоняет основного критического смысла романа. Об этом свидетельствовала и полемика, состоявшаяся в конце 1903 г. вокруг него. В 1902 г., когда роман вышел в свет, он был принят благожелательно. Консервативная критика, правда, обошла его молчанием, а орган «Молодой Финляндии» газета «Пяйвялеhti» и журнал «Валвоя» указывали на недостаточно художественное раскрытие темы. Это побудило Юхани Ахо выступить в защиту тенденциозного искусства против моды на «искусство для искусства».¹

Настоящая буря поднялась в 1903 г., когда Финляндское литературное общество выдвинуло роман на соискание ежегодной премии. Предложение вызвало резкий протест со стороны газеты «Ууси Суометар», которая писала: «По нашему мнению, не следует расходовать деньги народа Финляндии на премирование произведения, идеи которого противоречат христианству и существующему общественному устройству».² Газеты обвиняли Ярнефельта во лжи, в развращении народа. В полемику вступил один из основоположников финляндской пролетарской литературы А. Б. Мякеля, защищавший уже ранее роман Ярнефельта «Отечество» от нападок реакционной прессы. Он решительно протестовал против толков о «развращающем» содержании романа «Елена». Он приветствовал смелость Ярнефельта, дерзнувшего мыслить самостоятельно, не прислушиваясь к официальному мнению. С презрением характеризовал он рецепты, которые навязывала «народу

¹ Päävälehti, jouluk. 16 p. 1902.

² Uusi Suometar, 1903, jouluk. 15 p.

Финляндии» и писателям газета «Ууси Суометар»: «Писатель должен затрагивать лишь определенные области (желательнее всего этнографические и домашние), в противном случае он потеряет общественную поддержку и может даже с голоду умереть».¹

«Елена» не получила премии, столь опасной показалась эта книга. И действительно, в ней содержались мысли, сходные с теми, которыми в свое время Ю. Х. Эркко навлек на себя проклятие церкви, за которые запрещали постановку пьес Минны Кант и не включали в библиотечные списки произведения Юхани Ахо.

Хякли в монографии о Ярнефельте утверждает, что центральной проблемой романа является вопрос о любви.² Это, разумеется, неверно. Содержание романа значительно шире. Сам Ярнефельт писал в дневнике, что главными в романе являются социальные и этические вопросы.³

Само по себе, это замечание характеризует метод работы Ярнефельта. Писатель всегда стремился во что бы то ни стало «провести» свои идеи через образы произведения, что иногда отрицательно влияло на его художественную сторону. Так, во второй части романа, где Ярнефельт подводит поставленные им проблемы к решению, он часто заменяет показ героев рассказом о них и тем самым значительно обедняет психологическую убедительность образов. Так, например, характер Елены, для которого в начале книги Ярнефельт умел находить удачные сюжетные положения, интересные монологи, меткие детали (например, темные стекла в окнах крестьянской избы, воспринимаемые Еленой как символ беспросветной жизни трудового народа), в конце книги значительно бледнеет. События оттесняются на задний план, заменяются констатацией тех или иных выводов и решений, завершающих социальные искания героини. Если в целом для творческого метода Ярнефельта характерно стремление изображать решающие моменты жизни героев, наиболее рельефно раскрывающие характер и формирующие его, то здесь он нередко рассказывает о совершившихся уже событиях, из-за чего образ героини теряет жизненную полноту.

Тем не менее, характер Елены — удача Ярнефельта. Образ прямой, настойчивой, смелой и свободной женщины, какой предстает Елена перед читателями романа, сродни тургеневской Елене Стаховой и для финляндской литературы — новый. Елена вышла из рамок семейного мирка, который выпадал на долю литературных героинь Ю. Х. Эркко, М. Кант, Ю. Ахо. В идиллической картине эпилога, показывая моральную правоту Елены (ее неофициальное обручение с Георгом все-таки сохранило свое значение), Ярнефельт рисует частичное осуществление ее социальных идеалов.

Тургеневская Елена Стахова, которую тяготит мелочность и пустота жизни и которая покидает свою родину ради человека, посвятившего жизнь делу освобождения отечества, могла явиться прямой предшественницей героини романа Ярнефельта. Писатель был давно озабочен поисками героя, но не нашел его еще в современной ему финляндской действительности. Он обнаруживает Самуэля Крёэля в истории Финляндии, Елену — в русской литературе, так высоко чтимой писателем за ее гуманизм и демократические принципы. Идеалы, во имя которых обличал Ярнефельт капиталистическую эксплуатацию крестьян и рабочих, ложь буржуазных семейных отношений, лицемерие

¹ Päivälehti, 1903, jouluk. 25 p. (Статья подписана псевдонимом „Tuomas”).

² P. H ä k l i. Arvid Järnefelt, стр. 331.

³ Там же, стр. 332.

церкви, лицеприятность законов, были интернациональными, и неудивительно, если в творчестве одного из своих любимейших писателей он нашел наилучшую форму для их воплощения. И все же Елена Ярнефельта только в самых общих чертах похожа на тургеневскую Елену, ее характер складывался на финской национальной почве и в иных, чем у Елены Стаховой, социальных условиях.

Эпилог романа и некоторые черты в характере Елены навеяны толстовством Ярнефельта и нарушают реалистическую целостность романа. Но в целом, книга Ярнефельта продолжала традиции критического реализма, от которых в конце 90-х годов XIX века отошли многие финляндские писатели. Проблематика романа близка к тому кругу вопросов, который стоял в центре внимания писателей в пору расцвета реализма, в 80-е — начале 90-х годов. Проблематика эта не устарела, а напротив лишь обострилась, хотя буржуазная пресса старалась завуалировать ее, выдвигая на первый план так называемую «антирусскую проблему». Ярнефельт продолжал идти своим путем, разоблачая порочность капиталистической действительности Финляндии — и в этом заслуга писателя.

* *
*

Следующим произведением Ярнефельта, поднимающим социальные проблемы, является повесть «Дети матери-земли»,¹ над которой писатель работал в течение 1905 г. Если до сих пор Ярнефельт не стремился создавать индивидуализированные типы крестьян или рабочих, предпочитая изображение нерасчлененного коллектива, то в повести «Дети матери-земли» наибольшей художественной удачей автора стал именно образ торппаря Янне Кинтури.

По своей теме повесть «Дети матери-земли» близка к роману «Елена». Ярнефельт снова ставит в центр произведения крестьянский вопрос и решает его в соответствии с той же утопической положительной программой, как и в романе.

Сюжет повести связан с развитием образа молодого бездельника Эдварда, который от беспечной жизни, пьянства и разврата приходит к осознанию ложности буржуазной цивилизации. Эдвард выступает разоблачителем права частной собственности в землевладении и в конце романа стремится претворить в жизнь теорию Генри Джорджа. Развитие его характера и мировоззрения в известной мере повторяет эволюцию образа Елены. Ярнефельт снова показывает, как паразитическая жизнь приводит человека, в глубине души честного и порядочного, к разладу с самим собою и со средой, окружающей его.

Историю Эдварда как бы обрамляет рассказ о судьбе Янне Кинтури, заключенный в первой и последней главах повести. Ярнефельт в нескольких эпизодах создает яркий национальный характер финского крестьянина-бедняка. Первая глава — «В мышеловке» — сразу вводит читателя в немудрящие и трагические перипетии крестьянской жизни. В ней рассказывается о том, как Янне Кинтури, отец девятерых детей, уже немолодой и надорвавшийся на работе крестьянин-бедняк ходил покупать мышеловку к знакомому лавочнику и как дома, увидев первую

¹ A. Järnefelt. *Maanem lapsia*. Helsinki, 1905. На рус. яз. Ярнефельт, Чада земли. Пер. А. Пулькинена. «Современный мир», 1906, № 1—2; Дети земли. Пер. М. Благовещенской. «Русская мысль», 1906, XI; Чада земли. Москва, 1908; Дети земли. «Сборник финляндской литературы», Петроград, 1917; Отрывок из романа — глава «В мышеловке» опубли. в сборнике «Финляндские рассказы». Москва, изд-во «Правда», 1940.

попавшуюся мышь, он понял, что в мышеловке сидит он сам, и нет ему выхода и неоткуда ждать помощи. Как все его праотцы, Кинтури ненавидел господ, но наивно полагал, что лавочник, сам выбившийся из крестьян и поэтому близкий бедняку, поймет его и в беде поможет советом. Но лавочник, едва Янне Кинтури заговорил о своих несчастьях, взобрался на прилавок и сделал вид, что он чем-то очень занят. Дела у Янне никогда не шли хорошо, потому что хозяин удвоил арендную плату за торппу, когда Кинтури женился. Теперь же Янне совсем задолжал хозяину, силы стали изменять ему, он уже не может подрабатывать в лесу. Он решил, что виной всему — мыши, которые не дают ему спать и отнимают бессонными ночами его медвежью силу. Вдобавок, хозяин оскорбил Кинтури, заподозрив его в воровстве. Во время обыска в торппе Янне высказал хозяину все, что думал о нем, получив за это приказ убраться из дома, построенного еще его дедом. Янне не мог допустить такого позора, но, не имея письменного договора на аренду,— как объяснил лавочник,— он не мог надеяться на справедливость.

С большой теплотой и грустью Ярнефельт ведет свое повествование вслед за ходом медлительных и неуклюжих мыслей Янне Кинтури. Только ночью, ворочаясь на постели, Янне понял, что лавочник бедняку не друг и что ему с семьей не выбраться из бедноты и злключениям, как мышке не перегрызть железных прутьев мышеловки. Он не знает путей борьбы, хотя иногда по-своему утоляет жажду мести господам, переполняющую его душу. Последняя глава повести посвящена смерти Янне Кинтури. Ему пришлось пережить много горя. Как самое страшное и позорное Янне воспринимает судьбу своих бездомных детей, которым он не мог ничем помочь. Презрение и ненависть к хозяевам он сохранил до конца своих дней и поэтому отказался принять от Эдварда участок земли, несмотря на то что с большим трудом пробивался случайным заработком. Он никогда больше не открывал своего сердца господам и не показывал им, что нуждается в их милости. Янне умер, как и жил, молчаливо и внешне спокойно.

В эпилоге романа «Елена» Ярнефельт нарисовал сельскую идиллию, здесь же он отказался от благополучного конца, уже разочаровавшись в возможности мирного разрешения социальных противоречий в деревне. События 1906 г. в Финляндии ясно показали, что землевладельцы не собирались идти ни на какие уступки торппарям, но уже и в 1905 г. Ярнефельт видел, как враждебно принимались ими книги Джорджа, которые он переводил на финский язык. Поэтому и в романе идеи Джорджа, если и способствуют нравственному обновлению Эдварда, то для осуществления социальных преобразований их оказывается недостаточно.

Судьба Янне Кинтури трагична от начала до конца. Она должна, по мысли Ярнефельта, продемонстрировать читателю трагизм жизни целого класса. Именно поэтому в рассказе о несчастьях безземельного торппаря он говорит о Кинтури то в единственном, то во множественном числе. Во внешности Кинтури Ярнефельт прежде всего отмечает черты, характерные для целой общественной группы: у Янне впалая грудь, худое лицо, крепкие шершавые руки с вечно согнутыми пальцами, «будто созданными для рукоятки сохи». И вероятно, многим крестьянам-беднякам свойственно в мыслях одерживать победу над хозяином то в словесном поединке, то в рукопашной схватке. В то же время писатель индивидуализирует образ Янне Кинтури, показывая, например, с какой гордостью он покупает кофе, особенно если в лавке случается быть кому-нибудь из господ. Покупка кофе и сахара кажется

ему актом мести хозяевам, символом независимости. Запоминающимся штрихами рисует Ярнефельт отношение Кинтури к жене, которую он любил, но вынужден чуждаться, которую он хотел беречь, как цветок, но огорчал своим бессилием перед бедностью.

Ни один образ в произведениях Ярнефельта не выписан с такой любовью и тщательностью, как Янне Кинтури.

Писатель долго и медленно работал над повестью «Дети матери-земли» и называл ее в письмах «историей торппаря». Это говорит о том, что образ Кинтури, несмотря на то что ему посвящены только две главы и часть письма Эдварда, Ярнефельт считал центральным и несущим основную идейную нагрузку. Поэтому неправы финляндские литературоведы, в том числе и Хякли, сближающие две темы и два образа в повести: тему выселения Янне Кинтури с темой изгнания из страны богатого землевладельца Раухалаhti.

По решению генерал-губернатора в числе лиц, изгоняемых из страны за деятельность, направленную против мероприятий царского правительства, оказался владелец имения Раухалаhti. За попытки сорвать в своем приходе призыв в русскую армию его изгоняют из пределов Российской империи. Он уезжает в Норвегию и, как явствует из письма к дочери, чувствует себя там превосходно, не испытывая потребности или желания вернуться в Финляндию, ибо его дом теперь в другой стране.

Литературоведы сравнивают две, на первый взгляд, одинаковые судьбы — Кинтури и Раухалаhti изгнаны из своих домов — и приходят к выводу о том, что Ярнефельт хотел показать схожесть чувств и страданий людей, принадлежащих к различным классам. Чтобы прийти к такому заключению, нужно забыть о сцене аукциона в доме Кинтури, когда с молотка распродается весь крестьянский скарб, которого едва хватает на покрытие долга бывшему хозяину; о полной бесперспективности существования семьи торппаря, оказавшейся под открытым небом, в то время как норвежское небо гостеприимно приняло под свой кров богатого Раухалаhti; надо совершенно забыть о последней главе, где благополучному возвращению изгнанников в свои поместья, противопоставляется смерть Кинтури в чужом доме. Хякли, правда, признает, что господин советник земледелия Раухалаhti не относится к тем, кого Ярнефельт называет детьми матери-земли. Дети матери-земли — это Янне Кинтури и многие подобные ему, все те, кто привязан к ней всем, кроме имущественных отношений. Поэтому не сопоставление, а противопоставление двух классов составляет суть «истории торппаря», написанной Ярнефельтом, писателем, обличавшим классовую противоречивость жизни.

«История торппаря» кончается смертью Янне Кинтури. Он смирился с несчастьями и умирает, веруя в справедливость законов, предписанных богом. В характере и судьбе Янне Кинтури есть черты, позволяющие предположить в нем предшественника тех крестьян, которые в 1906 г. выступают в защиту своих прав. В образе Кинтури явственно продолжается идущая от баллад Крамсу традиция создания народного крестьянского героя, внешне покорного, а на деле гордого, независимого и сильного человека, мятежника духом.

Ярнефельт продолжает пропагандировать учение Джорджа, но в повести «Дети матери-земли» он скептически оценивает идею мирного перехода земли в руки тех, кто на ней работает. Здравая точка зрения выражена и в его дневнике в записи, относящейся к 1903 г.: «В капиталистическом обществе часть населения умышленно оставляется без земли, ибо владельцу капитала совершенно необходимо иметь

всегда под рукой дешевую рабочую силу, дешевую и подвижную. В ней нуждаются города, заводы, владельцы больших поместий. В этом одна из причин того, что в частных владениях большие участки не обрабатываются и не приносят никакой пользы. Мелким арендаторам этих участков не отдают, потому что тогда исчезла бы свободная рабочая сила, необходимый капитализму слой населения, довольствующийся ничтожными заработками».¹

События 1906—1907 гг. в Финляндии доказали невозможность, с одной стороны, положительного решения крестьянского вопроса средствами пассивной борьбы, и с другой стороны — невозможность существования торппарей в условиях жестокой эксплуатации их землевладельцами. Под влиянием революционных событий в стране, весной и летом 1906 г. участились крестьянские волнения. Борьба достигла наибольшего размаха в имении Лаукко, в Весилаксе Тавастгусской губернии, где в забастовке приняло участие около 130 торппарей, упорно отстаивавших требования о введении 10-часового рабочего дня летом и 7-часового зимой (рабочий день торппарей доходил летом до 15, зимой до 8 часов), отмены оброчной работы, ремонта жилых помещений, человеческого обращения и т. д. Забастовка длилась более полугода и закончилась поражением крестьян. По постановлению суда зимой 1907 г. бастовавших торппарей выселили из домов и лишили земельных участков. Более 80 семей (всего около 500 человек) оказались без крова и без земли. Это вызвало возмущение и протест общества Финляндии, но сейм, на справедливость решения которого возлагали надежды торппари, встал на сторону землевладельцев, чем еще раз подтвердилась антинародная сущность священного права собственности и необходимость более активных форм борьбы против него.

Ярнефельт на материале лауккской забастовки написал очерк «Земля принадлежит всем!»², пронизанный горячим сочувствием к забастовщикам, страстными призывами к борьбе, негодованием по отношению к землевладельцам. Ярнефельт побывал на землях Лаукко осенью 1907 г., после совершившихся там выселений и все, увиденное и передуманное в связи с этим, изложил в своем очерке, вышедшем отдельной книгой первым тиражом в конце этого же года и вторым — в начале 1908 г.

Через всю книгу проходит идея, выраженная в ее названии: земля — общая мать всех людей и принадлежит всем! То, что произошло в Лаукко, чудовишно и незаконно. Ярнефельт рассказывает о разрушениях, предпринятых полицией для предотвращения возможности обратного вселения изгнанных крестьян: он видел дома без крыш и без дверей, разбитые печи, сломанные сараи и бани, на стенах которых были начертаны слова «братство», «равноправие», «свобода». Писатель был свидетелем того, как хозяева имения, молодые бароны взламывали амбар с семенным фондом выселенных торппарей, чтобы передать зерно новым владельцам участков. Он узнал, что выселенных крестьян, которые весной засеяли свои земли, подвергли штрафу, и спрашивает торппарей, почему они не подожгли всходов, как наверняка сделали бы русские крестьяне? Ярнефельт описывает непригодные для жилья помещения, где жили во время работы в имении торппари, рассказывает о жульничестве хозяев имения при денежных расчетах с крестьянами, о бедности жителей волости и приходит к вы-

¹ P. Häkli. Arvid Järnefelt, стр. 356.

² A. Järnefelt. Maa kuuluu kaikille! Helsinki, 1907.

воду, что терпению народа должен был наступить конец, и протест был вполне обоснован.

Полемизируя с общественным мнением, Ярнефельт доказывает, что забастовка — законная форма борьбы неимущих слоев народа за свои права, ибо ждать, чтобы господствующие классы отказались от своих благ, безнадежно. Он приходит к знаменательному — особенно, если иметь в виду его толстовство — тезису: «...если представить себе, какая безграничная несправедливость по отношению к трудящемуся крестьянству заключается в том, что у него отняли землю, которая зовет его и ждет его труда, то никакое взрывчатое вещество не покажется достаточно сильнодействующим, чтобы уничтожить ее с корнями, как она того заслуживает».¹ Писатель снова напоминает о России, где крестьяне сжигают поместья. Господствующие классы Финляндии должны быть благодарны торппарям за то, что они ограничились пассивной формой борьбы, хотя в среде сельской бедноты уже зрела революция.

Ярнефельт все же и здесь пропагандирует теорию «единого налога», применение которой в соединении с парламентской борьбой является, по его мнению, наилучшим способом достижения равенства в обществе.

Успех очерка «Земля принадлежит всем!» был необычным: тираж в 25 000 экземпляров разошелся мгновенно, газеты начали бурную полемику. Левые газеты приветствовали книгу, правые — осуждали. Старофенноманская партия издала под таким же названием книгу одного из столпов партии Агафона Меурмана, по содержанию прямо противоположную, что вводило неискушенных читателей в заблуждение.

Очерк Ярнефельта появился в дни, когда сейм рассматривал вопрос о лауккских событиях (по запросу, сделанному депутатом-социалистом Суло Вуолиёоки), поэтому консервативная партия сделала все, чтобы не дать общественному мнению и парламентскому большинству склониться к оправданию бастовавших крестьян и к осуждению факта выселения. Правые газеты обвинили Ярнефельта в клевете, в развращении народа, в неправомерной защите социалистов — виновников крестьянского выступления (в книге доказывалось, что социалисты не имеют никакого отношения к событиям в Лаукко, ибо свободолюбие всегда жило в народе и в данных условиях не могло не проявиться). Ю. Сиrolа (его статья о Ярнефельте была опубликована также в декабре 1907 г.), приветствуя выход в свет самого боевого произведения писателя, отмечал: «Теперь он уже не безопасен буржуазии. Ему позволялось критиковать церковь и веру, порицать жизнь высших классов и их мораль; верхи не испугались даже тогда, когда он осудил их денежные спекуляции. Одного они не могут простить — подстрекательства народа, низших классов к прямому действию, к борьбе. Арвид Ярнефельт пошел на это — и получил приговор».²

Очерк «Земля принадлежит всем!», с точки зрения поставленной в нашей статье темы, представляет собой кульминационный пункт в творческой эволюции А. Ярнефельта. Постепенное проникновение в его произведение социальной тематики и постепенное заострение критического зрения писателя привели его к провозглашению необходимости любыми средствами уничтожить неравенство людей в обществе (хотя он и отдавал предпочтение утопическому мирному пути). И нельзя не повторить, что критический пафос писателя и в этом пуб-

¹ A. Järnefelt. Maa kuuluu kaikille!, стр. 39.

² Yrjö Sirola. Arvid Järnefelt. Suomen työväen joulualbumi, X, стр. 79.

лицистическом произведении проявился с большей силой и целенаправленностью, чем в его художественном творчестве. Сам отказавшись от многого в жизни и став олицетворением служения идее, Ярнефельт иногда невольно переносил эту свою черту на многих героев своих произведений, снижая психологическую убедительность их характеров. Наиболее заметно слабые стороны художественного метода писателя сказались на его романе «Жители Венехьоя»,¹ опубликованном в 1909 г.

Этот роман является откликом Ярнефельта на события 1905—1906 гг. Живя в деревне, он следил за политической жизнью страны, хотя непосредственного участия в ней не принимал. Правда, его сочувствие склонялось на сторону социал-демократической партии и, как свидетельствует Хякли, он оказывал денежную помощь местной рабочей организации при постройке народного дома, редактировал летом 1906 г. брошюры и статьи Иоганна Кока, бывшего уже тогда начальником Красной гвардии Финляндии, с уважением относился к Юрье Сирола.

Всеобщая забастовка 1905 г. вызвала живейшее участие Ярнефельта, он надеялся, что теперь будет достигнуто равенство. Забастовка являлась именно тем мирным методом борьбы, который больше всего импонировал писателю. Возвращение автономии и однопалатный сейм — завоевания всеобщей забастовки — Ярнефельт воспринял как очень незначительные изменения существующих условий и был разочарован таким исходом дела. Поэтому его отношение к Свеаборгскому вооруженному восстанию 1906 г. было двойственным: с одной стороны, как это показал очерк «Земля принадлежит всем!» (написанный через год после восстания), он уже понимал необходимость применения насилия для преодоления капиталистического зла, с другой стороны, возлагал еще надежды на мирное разрешение противоречий.

Роман «Жители Венехьоя» отражает эту двойственную позицию Ярнефельта. Писатель с сочувствием рисует массовые сцены народного воодушевления в дни вооруженного восстания, картины благородного единства усилий финляндских красногвардейцев и русских революционных солдат в Свеаборге, эпизоды мужественной борьбы людей и в то же время кончает роман обращением старого венехьояльца к бастующим крестьянам: «Идите в лес!», — то есть призывом к пассивной борьбе.

Главным героем романа «Жители Венехьоя» является капитан Ханнес, в котором читатели по выходе книги в свет тотчас узнали командира финляндской Красной гвардии 1905—1906 гг. Иоганна Кока. Ярнефельт и не стремился замаскировать это обстоятельство. Он писал исторический роман и, по его глубокому убеждению, прославлял друга юности. Однако Ярнефельт не знал всех фактов биографии Кока и не счел нужным познакомиться с ними, он допустил просчет в соотношениях между материалом, взятым из действительности, и вымыслом. Произошел разрыв с бывшим другом, ставшим теперь самым ярым его врагом. Но дело, собственно, не в том, что смертельно обиделся Кок, который даже не читал романа² и строил свои публичные обвинения на основе рассказов друзей, а в том, что художественная убедительность центрального образа и второстепенных лиц книги значительно страдает из-за пронизывающих их «вечных» нравственных начал.

¹ A. Järnefelt. Venehöjalaiset. Helsinki, 1909.

² См. об этом в открытом письме И. Кока Ярнефельту. Johann Kock. Avoin kirje herrä Järnefeltille. Helsinki. 1916.

Ярнефельт каждым из персонажей романа иллюстрирует свое отношение к морально-этическим проблемам, в значительной мере заслонившим в романе социальные вопросы. Капитан Ханнес становится «революционером», чтобы смести с земли кабаки и публичные дома. Он ищет своего ребенка в петербургских приютах, чтобы снять с себя моральную вину перед его матерью. Ханнес женится на ней через десять лет после рождения ребенка, чтобы не допустить ее морального падения. Сам он, незаконный сын прачки, стал офицером. Так его мать мстила миру за свой позор. Когда временами Ханнес окончательно запутывался в неразрешимом клубке этических проблем, он читал философов-стоиков и находил в них успокоение и оправдание своим поступкам. Даже в дни Свеаборгского восстания он в растерянности спешит припомнить то изречения Заратустры, то «Максимы» Эпиктета. Ярнефельт сталкивает Ханнеса в Петербурге с русским дворянством, совершенно оторванным от народа и боящимся его стихийных сил. Тем не менее именно в России Ханнес приобщается к активной борьбе, и его сотрудничество с русскими продолжается в Хельсинки в дни Всеобщей забастовки и Свеаборгского восстания.

В изображении революционных событий в Финляндии Ярнефельт местами отходит далеко от действительности. Так, например, самой революционной частью народа оказываются хельсинкские босяки, которые под влиянием агитации Матти Куриikki становятся будто бы лучшими ораторами рабочей организации и благодаря которым революционные идеи распространяются широко по всей стране. Хотя писатель знал, как явствует из «Романа моих родителей»,¹ что во время вооруженного восстания рабочие не пошли за Матти Курииккой, призывавшим их встать на сторону царя против русских революционеров, он ограничился показом его деятельности, не дав ей никакой авторской оценки. Самые значительные события революции Ярнефельт изображает такими, какими они представляются босяку Хинкки, в образе которого писатель (равно как и в характере Ханнеса) сосредоточил свое понимание народного стремления к свободе. Ханнес и Хинкки, двоюродные братья, поставлены автором в сложные, психологически не оправданные, взаимоотношения.

Отдельные эпизоды романа, действие которого начинается в семидесятые годы, а завершается в 1907 г., плохо связаны друг с другом; композиция его лишена единства, а эволюция характеров идет скачками и без достаточной социально-психологической мотивировки.

В целом роман «Жители Венехоя» представляется наименее интересным и в идейном и в художественном отношении произведением Ярнефельта анализируемого периода. И это не случайно: будучи убежденным сторонником теории непротивления злу насилием, Ярнефельт оказался бессильным разобраться в революционных событиях.

Рассмотренные произведения позволяют представить процесс развития социальной темы в творчестве А. Ярнефельта 90-х — начала 900-х годов. Историческое развитие Финляндии ставило в эти десятилетия проблемы, мимо которых не мог пройти писатель, видевший значение литературы в ее служении высоким гуманистическим идеалам. Ярнефельт в своих произведениях ставит сначала тему родины и ищет правильный путь финляндской интеллигенции (роман «Отечество»),

¹ A. Järnefelt. Vanhempieni romaani, III, стр. 155.

ратует за идеалы справедливости (драма «Самуэль Крёэль»), затем поднимается до осуждения общественного неравенства (роман «Елена») и частного землевладения (повесть «Дети матери-земли», очерк «Земля принадлежит всем!»), пытается понять революционные события 1905 и 1906 гг. (роман «Жители Венехоя»).

Сначала Ярнефельт только указывал людям на социальное зло, затем он начал искать причины этого зла и попытался найти пути избавления от него. Он пришел к утопическим выводам, поэтому общественное значение произведений Ярнефельта заключается не в высказанной в них положительной программе, а в их общей критической направленности. Говорить людям, что социальный мир построен на лжи и обмане, что в нем многое повернуто с ног на голову — значило помогать тем, кто чувствовал установленный порядок на своей спине как тяжелую ношу, но не имел времени и достаточных знаний, чтобы самому осознать это.

Значение социально-проблемных произведений Ярнефельта усиливается тем историко-литературным фактом, что в конце 90-х годов большинство из «старых» реалистов, в их числе Ю. Ахо и М. Кант, оказались подпавшими под влияние символистско-декадентского искусства Западной Европы, и отошли от острых актуальных тем современной жизни. Минна Кант приветствовала выход в свет книги Ярнефельта «Мое пробуждение» восклицанием: «Кончилось время разоблачений, пришла пора признаний», но она ошибалась, ибо сам автор исповеди продолжал традиции реалистов 80-х годов. Романы Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева помогли Ярнефельту остаться на позициях критического реализма.

Ярнефельт ставил крестьянский вопрос, сознавая необходимость его решения в ближайшее время. Очерк «Земля принадлежит всем!» свидетельствует о том, какое важное значение придавал писатель этой проблеме. Он пишет: «Крестьянский вопрос стоит на первом плане, потому что в нем основа всех социальных вопросов, потому что он — только другое название рабочего вопроса, потому что без его решения остается нерешенным сам рабочий вопрос».¹

Не все произведения Ярнефельта, созданные им в последние десятилетия прошлого века и первое десятилетие нынешнего, посвящены социальным проблемам. В повести «Судьбы» (1894) отражены религиозные искания писателя, роман «Братья» (1900) пронизан идеей необходимости нравственного самоусовершенствования людей, драма «Учение раба» (1902), переделанная в 1910 г. в драму «Тит», трактует проблемы этики власти, в драме «Смерть» (1903) поднимаются абстрактные «вечные» вопросы, рассказы из сборника «Море жизни» (1904) посвящены миру природы. В этих произведениях еще явственнее, чем в рассмотренных выше, сказалось влияние этико-религиозной стороны учения Толстого. Несколькими статьями Ярнефельт в эти годы посвящает своему толкованию религиозных вопросов. После 1910 г. Ярнефельт отходит от социальных проблем; творчество стареющего писателя все больше и больше приобретает морально-этическую направленность.

Обличение несправедливости капиталистического строя, страстная критика лжи, насилия и нищеты — все это было своевременным в годы пробуждения классового самосознания народных масс. Когда же капиталистические противоречия обострились настолько, что назрела необходимость их разрешения — и разрешения именно через кровопролитную борьбу — потребовалось боевое, революционное искусство.

¹ A. Järnefelt. Maa kuuluu kaikille!, стр. 46.

Ярнефельт не был готов выполнить этот новый социальный заказ эпохи. Он уходит все дальше в толстовство, и в дни революции 1917—1918 гг. с церковной кафедры проповедует мирный путь разрешения противоречий и предостерегает против применения оружия. После революции Ярнефельт перестает интересоваться социальными проблемами и возвращается к этим вопросам только в конце 20-х годов при написании мемуарного произведения «Роман моих родителей».

Ярнефельт заслужил благодарность народа прежде всего произведениями, написанными в первый период его творчества, о которых и говорилось в настоящей статье.

Ю. Сирола очень точно выразил отношение читательской массы к произведениям Ярнефельта. «А мы, социалисты,— пишет он,— что мы скажем о нем? Мы с интересом наблюдали за его эволюцией... И хотя мы не от него научились действенной социалистической энергии и жестоко критикуем усыпляющее толстовское учение о пассивности, мы были рады, что его дарование вместе с нами разоблачало несостоятельность буржуазной жизни, что он открывал глаза и учил людей видеть за словесным одеянием фраз оголенную «цивилизацию»...¹

Современная финляндская коммунистическая пресса столь же положительно оценивает значение Арвида Ярнефельта для рабочего движения начала XX века.²

Итак, несмотря на противоречивость своего мировоззрения, Ярнефельт выразил интересы трудящихся слоев Финляндии, которые в начале века поднимались на борьбу против основ общества, ненавистного и ему, писателю, вплотную приблизившемуся к народной жизни. В документальной правде публицистических произведений и в художественных образах романов и повестей Ярнефельт продолжал традиционную для финляндской литературы крестьянскую тему, внося в нее свое слово: «Земля принадлежит всем!»

¹ Y. Sirola. Arvid Järnefelt. Suomen työväen joulualbumi, X, стр. 79.

² T. Suomela. Sivistyneistä työväenliikkeessä. Kommunisti, 1957, № 2.